

67-9913/8
К 75

ПОКА НЕ ПОЗДНО

Д. КОЧНЕВ

Д. Д. КОЧНЕВ

ПОКА НЕ ПОЗДНО

**ФРУНЗЕ
«КЫРГЫЗСТАН»
1982**

Кочнев Д. Д.

К 75 Пока не поздно. — Ф.: Кыргызстан, 1982. — 80 с.

Автору как штатному сотруднику МВД республики приходилось на протяжении нескольких лет знакомиться с трудными судьбами подростков, проследить запутанные пути их нравственного становления, историю их ошибок и жестоких уроков жизни, постепенного, порой затянувшегося, прозрения.

Накопившиеся наблюдения и легли в основу брошюры.

Рассчитана на широкий круг читателей.

К 11202—219 77—82. 1203100000
М 451 (17)—82

ББК 67. 99(2)8
34 С5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогие читатели!

Перед вами книга о подростках, скажем точнее о сложном, очень сложном мире человека, только вступающего в самостоятельную жизнь. Известный ученый педагог В. А. Сухомлинский писал: «Подростки. Сколько тревог переживают матери и педагоги, произнося это слово! В подростковом возрасте совершаются настолько глубокие изменения в духовной жизни человека, что много фактов его познания, умственного труда, поведения, взаимоотношений с товарищами, эмоционального, эстетического и морального развития кажутся воспитателю непостижимыми и таинственными»¹.

В книге идет серьезный разговор об одной из острейших проблем — о воспитании, исправлении и перевоспитании так называемых трудных подростков. И с этой точки зрения она приобретает особую актуальность и своевременность.

Проблема воспитания подрастающего поколения — важная социальная проблема, которая не может быть решена без дальнейшего совершенствования всей работы по взаимодействию усилий различных государственных органов, школы, семьи, общественности и трудовых коллективов. На примере судеб нескольких подростков автор показывает многие, еще не в полной мере решенные вопросы именно в комплексном подходе к организации работы среди несовершеннолетних правонарушителей на данном этапе.

Углубление и исследование процессов формирования моральных и нравственных основ молодого поколения, выявление на этой базе недостатков и просчетов в воспитательной работе с трудными подростками, разработка предложений, направленных на устранение негативного влияния ряда криминогенных факторов, остаются важной задачей нашего общества, приобретающей особую актуальность в свете решений XXVI съезда КПСС и XVII съезда Компартии Киргизии.

Книга интересна для читателей любого возраста, поскольку антиобщественные проявления и преступность чужды природе и самой

¹ В. А. Сухомлинский. Рождение гражданина. 1976, с. 3

сущности советского строя, но они не исчезают сами собой. С ними необходимо вести упорную и повседневную борьбу, глубоко вникая в их сущность и причины. Познать механизм формирования личности, научиться управлять процессом воспитания подрастающего поколения — эти фундаментальные проблемы и сегодня остаются сложными и актуальными.

По-разному относятся люди, причастные к воспитанию трудных подростков — учителя, должностные лица, представители общественных организаций, — к этому делу. Различны их «подходы», методы и приемы воспитательно-профилактической работы.

Однако автор страстно убежден, что здесь не может быть безучастных лиц, бездушности, черствости, формализма и стереотипа. Хотя он и не предлагает конкретных рецептов (вряд ли они могут быть на все случаи), многое в книге заставляет задуматься всех тех, кто по своему долгу и призванию обязан заниматься судьбой таких подростков.

Выступая на III съезде комсомола, В. И. Ленин говорил: «Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности... В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»¹.

Предоставляя читателю оценку достоинств и недостатков книги, нужно отметить, что она полна оптимизма и веры в настоящее и будущее молодежи.

Первый зам. министра внутренних
дел Киргизской ССР
Ю. ТОЛОНОВ

¹ В. И. Ленин. ПСС, т. 41, с. 313.

ТИХИЕ МАЛЬЧИКИ

Судебный очерк

Просторная, светлая, как видно, недавно отремонтированная комната. Стены окрашены в спокойные, приятные для глаз тона: светло-зеленый, кремовый. Ряды новых, еще блестящих от краски стульев. Только три кресла, стоящие у стены, резко контрастируют с окружающим: они очень высокие, черные, с государственным гербом наверху спинки. Лишь они напоминают о том, что здесь не комната отдыха, а зал судебных заседаний.

Заседание еще не началось. Почти пусто: два милиционера сидят в позе терпеливого ожидания, да на высокой скамье, что справа, два подростка склонили свои головы на деревянный барьер. Я заприметил их еще, когда черная машина с решетками подъехала к зданию суда, милиционеры встали двумя ширингами, чтобы пропустить группу преступников, и они шли, заложив руки за спину и не поднимая глаз, к той роковой двери, из которой выйдут, может быть, уже не обвиняемыми, а осужденными. Среди разношерстной компании эти двое выделялись молодостью. «Ведь совсем дети», — горестно вздохнула какая-то женщина из толпы, всегда собирающейся возле суда.

Сидя в ожидании заседания, я всматривался в лица этих ребят. У одного из них довольно приятное, с тонкими чертами лицо, какие-то по-детски испуганные глаза. Второй с очень низко спущенной челкой, смотрел равнодушным, ничего не выражающим взглядом на скамьи, на ярко освещенный осенним солнцем двор, почти не замечая родных, старавшихся разглядеть его со двора сквозь оконное стекло.

Хотелось угадать, о чем они думают сейчас, перед самым, может быть, решающим моментом их жизни. Страх ли перед наказанием, надежда ли на близкую свободу, раскаяние ли за содеянное — что было сейчас главным для них?

Чем могут оказаться опасными для общества такие два юнца с самой обыденной внешностью? Подобных им встречаешь каждый день сотнями на улицах и в голову не приходит, что среди них могут оказаться преступники.

Солнце, чуть желтеющие листья деревьев, осенний горьковатый воздух, чистая тонкая линия гор на горизонте. Все прекрасно в этом мире... И тут же, на этом фоне черная машина, кобуры с пистолетами у милиционеров, понурые фигуры ребят за барьером.

События развивались очень медленно. Часам к двенадцати выяснилось, что заседание суда будет проходить в ПТУ, где раньше учились оба обвиняемых.

Только в три часа дня в зале ПТУ, битком набитом юношами в форменных курточках, процесс все же начался.

Но прежде чем рассказать о его ходе, перенесемся на два месяца назад в один из тихих, далеких от центра кварталов города Фрунзе.

Воскресный день. Два мальчика, Вася Оленин и Коля Забродин* играют в шахматы. Они соседи, вместе учились в школе, потом в ПТУ, и, хотя работают сейчас на разных заводах, продолжают дружить. Около полудня к ним заходит знакомый парень Брагин. Он получил накануне зарплату и предложил «обмыть» ее. Ребята не возражали. Быстро сбегали в магазин и купили четыре бутылки яблочного вина. Заметим: не так уж мало для троих подростков. Выпили, душа загорелась. Сходили за подкреплением — еще две бутылки того же яблочного. Получилось по две на брата.

И вот сидят три загулявших молодца на пустыре, играют на гитаре. Недалеко бегают совсем еще маленькие мальчишки. Увидев явно захмелевших парней, мальчишки начинают дразниться. Вася Оленин, недолго думая, швыряет в них пустой бутылкой, она разбивается о плиту. Мальчишки убегают. Вzbешенный Вася бросается вслед за ними. Бедный пацан — его зовут Женья — улепetyивает изo всех сил. Картина впечатляющая: бежит щуплый мальш-пятикласcник, а за ним парень вдвое больше ростом, озверевший от вина и ярости. Естественно, вдогонку летит крутой мат. Плохо бы кончилось дело для Жени, если бы на его счастье не повстречались тетя и бабушка, собравшиеся в кино.

Мальчик кинулся к ним под защиту. Но хулигана не отрезвило появление взрослых. Напрасно женщины успокаивали его, предлагали пойти домой и поговорить с матерью Жени, если уж он, действительно, что-то натворил. Продолжая ругаться, Вася все норовил схватить мальчишку, чтобы расправиться с ним.

* Здесь и далее фамилии и имена большинства персонажей изменены.

Но мальчик прятался за спину тети и Оленину пришлось уйти. Вздолнованные женщины — им было уже не до кино — повели перепуганного Женю домой. Дошли почти до калитки и вдруг видят: к ним приближаются три потерявших человеческий облик хулигана с бессмысленными, изуродованными злобной гримасой физиономиями. Они явились мстить!

Происшедший вслед за тем диалог не выдержала бы ни одна магнитофонная лента. Женщины как-то еще пытались успокоить разбушевавшихся молодчиков. Куда там! Юнцы требовали ни более, ни менее, как выдать им мальчишку, чтобы... убить его. Женья, к счастью, успел юркнуть в калитку и спрятаться в доме. Бабушка и тетя продолжали сдерживать натиск.

В этот самый момент на арене появляется еще одно действующее лицо. Дядя Жени, военный, приехавший в отпуск погостить к родным. Услышав крик возле ворот, он выскочил из домашней бани во дворе в одних трусах и бросился на помощь женщинам.

Силы оказались неравны. Дядя был болен, против трех ошалевших от вина мальчишек он не устоял. Мужчина упал на землю, его били ногами. Залитого кровью, почти потерявшего сознание сына бабушка сумела все-таки затащить во двор.

Начинается последний акт драмы. Во двор летят здоровенные булыжники. Со звоном разлетаются оконные стекла. Один из юнцов ломает калитку. Бабушка хочет спустить с цепи собаку, но не может: один из хулиганов забрался на забор и швыряет камнями, не давая ей подойти к конуре.

Наконец, слышится крик «Милиция!», и три героя разбегаются.

Такова фабула преступления.

Вернемся в ПТУ, где идет процесс. В зале училища расставили стулья, но почему-то не сделали как обычно скамью подсудимых с правой стороны, а поставили два стула так, что подсудимые оказались лицом к суду, а спиной к зрительному залу. Их лиц не видно. И им не видно сотен мальчишеских глаз, с жадным вниманием вглядывающихся в то, что происходит впереди.

Процесс ведет молодая женщина с волевым лицом, уверенным и спокойным взглядом человека, привыкшего постоянно быть на виду, ощущать всю меру своей власти и своей ответственности. Судья, в сущности, актер, выступающий перед аудиторией в заглавной роли. Он должен являть

пример беспристрастности и справедливой суровости, ибо он слуга Закона и его полномочный представитель. Он должен быть постоянно собранным, ему нельзя ни на минуту ослабить внимание. Иногда достаточно упустить одну какую-то интонацию в показании свидетеля, чтобы утратить очень важную ниточку, порой определяющую исход дела.

Судья сдержанна, но не бесстрастна. Когда она задает вопросы, заметно, насколько заинтересована она в судьбе этих молодых людей. Сквозь выработанную выдержку порой проступает негодование, а иногда и сочувствие.

Подсудимые полностью признают свою вину. Тем самым задача суда упрощается, нет надобности доказывать виновность. Внимание сосредоточивается на второстепенных обстоятельствах, отягчающих или смягчающих вину, на выяснении личности подсудимых.

Личность... Можно ли говорить о личности этих ребят, что-то бормочащих суду, словно нашкодившие школьники? Их биография кратка и бедна событиями. Родился, ходил в детский сад, поступил в школу, окончил 8 классов, перешел в ПТУ, завершил курс обучения, получил квалификацию электрика, взяли на завод, стал работать. Такие же данные у сотен и тысяч подростков. Но почему-то из тысяч именно эти двое стоят перед судом.

Почему? Вот в этом заковыка.

Суд скрупулезно, час за часом, минута за минутой восстанавливает события того рокового дня. Все ведь началось с выпивки. Первая ли она была? И Вася, и Коля решительно утверждают: первая. Соблазнил их Брагин, отказаться им, видите ли, было неудобно. Сколько выпили? Столь же категорически: по полтора стакана вина. Остальное выпил, очевидно, все тот же Брагин. Эта роковая фигура, злой гений двух невинных мальчиков, становится очень удобным козлом отпущения. Его до сих пор не нашли, можно отнести на его счет все, что угодно.

Хотя, пожалуй, ребята зря так стараются изобразить себя невинными агнцами. Полтора стакана выпито или чептыре, это не меняет существа дела.

Допрашивают потерпевшего Женю. Это тщедушный мальш, робко взглядывающий на высокое собрание. Он еле слышно рассказывает о событиях 5 августа, то и дело запинаясь и замолкая. Легко вообразить себе, как осатаневший от вина детина гонится за ним и сердечко у него колотится, как у кролика, спасающегося от собак. Если бы догнал его Вася, как знать, не осуществил ли бы он свою

угрозу об убийстве. Судьба в лице бабушки и тети спасла не только Женю, но и гнавшегося за ним.

Не стоит пересказывать все подробности судебного следствия, они мало что добавляют к основной фабуле дела, приведенной выше. Послушаем прения сторон.

— Сейчас подсудимых постригли, они присмирели, выглядят как обычные молодые люди, — говорит прокурор. — А посмотрели бы вы на них прежде, заросших, лохматых, опустившихся. Где же гарантия, что эти тихие мальчишки, напившись, снова не совершат какое-нибудь более тяжелое преступление?

Пьянство — источник большинства преступлений такого рода. Пьяные мальчишки теряют всякий контроль над своими действиями. И вот, совершенно беспричинно, со звериной злобой, они избивают взрослого человека, наносят ему телесные повреждения, бьют окна. Можем ли мы оставить безнаказанными такие преступления?

И все же, беря в расчет возраст подсудимых, их чисто-сердечное раскаяние, я считаю возможным просить суд о смягчении их участи. Статья 215 ч. II УК Киргизской ССР предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы. Прошу ограничиться почти самым низким пределом — два года заключения.

Адвокат искусно строит свою защиту. Сначала, с гневом обрушивается на хулиганство вообще, беспощадно осуждает поступок как таковой. Потом пытается по-иному осветить факты, приведенные в обвинительном заключении и речи прокурора. Женька дразнил подсудимых, стало быть он — первопричина всего происшедшего. Не дразнился бы, ничего бы и не было. Сцена, происшедшая у ворот, началась с того, что дядя — военный, вероятно, первым стукнул кого-то из мальчишек. Их действия были ответными.

Самый серьезный аргумент в пользу Оленина выдвигается под конец. У него положительная характеристика из ПТУ, где он учился, с завода, где работал. Более того, товарищи по работе просят суд не лишать подсудимого свободы, доверив его перевоспитание коллективу.

С этим предложением выступает общественный защитник, выдвинутый на собрании цеха, заместитель секретаря комитета комсомола Шишков. Он начинает с рассказа о том, как на предприятии поставлена работа с подкростками. Превосходно, по его словам, поставлена. Тут и индивидуальное шефство опытных рабочих, и всякие интересные кружки, и еще много такого, что может занять ум и руки молодого человека.

Затем он переходит к личности подсудимого и не жалеет красок, чтобы живописать этого скромного, трудолюбивого юношу. Общественный защитник настоятельно просит суд ограничиться условным наказанием, передав подсудимого на поруки коллективу.

Так обстоит дело с Олениным.

У Забродина нет общественного защитника и нет ходатайства коллектива. Но, основываясь на положительных характеристиках ПТУ и завода, его адвокат тоже ходатайствует об условной мере наказания.

Объявляется перерыв, приговор будет объявлен на следующий день. Ученики ПТУ, оживленно переговариваясь, расходятся по классам.

А я, восстанавливая в памяти весь ход суда, не могу отделаться от смутного чувства неудовлетворенности.

Не сходятся концы с концами.

Особенно странное впечатление от речи общественного защитника. Судя по его выступлению, дела с подростками обстоят на заводе блестяще. Подсудимый Оленин достоин чуть ли не награды за трудовую доблесть. Почему же в таком случае совершено преступление?

Личность подсудимого, если верить всем характеристикам, находится в резком противоречии с его поступками.

Каков же будет приговор суда? И я невольно думаю о той огромной ответственности, какая легла на плечи народного судьи и народных заседателей. В их руках судьбы двух юношей. Сколько мудрой проницательности нужно им проявить, чтобы в строгом соответствии с законом найти ту единственно правильную меру наказания, которая предопределист и нравственное возрождение двух молодых людей и будет поучительным уроком для сотен других.

Суд приговорил обоих подсудимых к двум годам лишения свободы. Но, принимая во внимание их молодость, чистосердечное признание, положительные характеристики из училища и с производства, ходатайство коллектива, счел возможным наказание считать условным. В случае с Олениным ответственность ложится на коллектив цеха, взявший его на поруки. Забродину, кроме того, дан трехлетний испытательный срок.

Вправе ли суд надеяться на то, что условная мера наказания будет достаточной для их перевоспитания?

С этим вопросом я обращаюсь к судье.

— Вы заметили,— говорит она,— как вели себя ребята, когда им было предоставлено последнее слово, и во время оглашения приговора? Стулья под ними тряслись, слезы по

лицу бежали. Они, действительно, чистосердечно раскаялись. И ведь это их первое преступление.

Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что нецелесообразно наказывать несовершеннолетних лишением свободы на короткие сроки. В данном случае преступление не столь тяжкое, чтобы осудить ребят на длительное время. Я убеждена, что предварительное заключение и сам процесс послужили для них достаточным уроком.

Все логично. И все же неясное чувство неудовлетворенности не позволило мне захлопнуть блокнот и написать короткий отчет об услышанном. Почему два вполне благополучных, тихих подростка совершили преступление? Возникла потребность лучше понять, что же представляли собой подсудимые, а также выяснить, что ждет их в ближайшие годы, чем гарантировано их перевоспитание?

В училище и дома

Первый визит — в профессионально-техническое училище. Заместитель директора по воспитательной части Яков Евсеевич Кисельгоф не склонен оправдывать своих бывших воспитанников. Учились они посредственно, вели себя небезупречно.

— Позвольте, а как же характеристики, подписанные мастером производственного обучения?

— Но ведь особых происшествий за время учения с ними не случилось. Проступки незначительные — урок пропустят, учителю нагрубят.

— Кто же отвечает за воспитание учащихся?

— Прежде всего, конечно, мастер. Но сложилось так, что как раз в их группе сменилось за короткое время три мастера. Последний из них, тот, что подписал характеристику, знал обоих недолго.

— Как можно охарактеризовать коллектив вашего ПТУ в целом?

— Состав пестрый. Много превосходных, даже талантливых ребят. Но есть и пассивные, такие, что не пожелали учиться в старших классах общей школы и хотят просто скорее получить профессию. Попадают, хотя и редко, неустойчивые, подверженные дурным влияниям. С ними особенно много хлопот.

— Как вы расцениваете приговор суда?

— В отношении этих двух ребят все правильно. Колония для них слишком суровое наказание. Да и для всех наших воспитанников, бывших на показательном процессе,

приговор, мне кажется, будет иметь, несомненно, воспитательное значение.

После визита в ПТУ мне захотелось полнее представить себе обстановку, в которой Вася и Коля росли. Узнав, что народный судья собирается посетить ребят на дому, я попросил разрешения присоединиться к ней.

Автомашина долго колесила по закоулкам в районе недалеко от мебельного комбината, пока мы разыскивали дом с нужным номером. У каждой улицы есть свое лицо. У этих закоулков с разбросанными в беспорядке маленькими домиками лицо тусклое и неопределенное. Так и казалось, что из-за угла покажется захмелевшая компания с гитарой.

Сначала мы попали к Забродины. Две небольшие комнаты выглядят довольно уютно. Обстановка небогатая, но в углу телевизор, магнитофон, радиол. На столе раскрытый том Майн Рида «Всадник без головы». Коля смотрит знакомым мне уже хмурым взглядом на вошедших. Чувствуется, что вся история у него, как говорится, «в печенках сидит». Опять о том же самом...

Мать встречает нас приветливо. Это женщина с открытым ясным лицом, спокойным взглядом. Она квалифицированный рабочий на мебельном комбинате, пользуется уважением в коллективе, хорошо зарабатывает.

Муж намного старше ее. И когда он появляется из кухни, встревоженно и мрачновато вглядываясь в лица непрошенных гостей, бросается в глаза помятое лицо, неуверенная походка. Кого он напоминает? Ну да, с год назад, когда я в белом халате под видом ассистента врача находился в наркологическом кабинете психоневрологического диспансера, очень сходный пациент приходил за назначением на курс лечения от алкоголизма.

Разговор как-то не клеится. На все вопросы Коля и его родители отвечают стандартными, заученными фразами: «Все хорошо», «Хожу в вечернюю школу», «Он у нас тихий», «Дружит только с Васей».

Но вот вопрос в упор: «Чем вы можете объяснить, что такой спокойный хороший мальчик совершил преступление?»

Мать разводит руками: «Мы сами ничего не понимаем. Как снег на голову. Ничего подобного нельзя было ожидать. Он и не выпивал никогда».

Снова и снова возвращаемся к этому вопросу. И слышим те же неизменные ответы: неожиданно, случайно. Словно на один вечер подменили мальчишку.

Народный заседатель, работница завода имени Фрунзе,

добрейшей души человек, пытаюсь докопаться да самой сути Колиного характера, спрашивает о его сокровенной мечте. Оказывается, мальчик мечтал служить в танковых войсках. Но когда он проходил как допризывник предварительный осмотр, выяснилось, что для танкиста рост не подходит. Сулят ему не менее интересную военную специальность дизелиста на подводной лодке.

— Интересно тебе получить профессию дизелиста?

Парень пожимает плечами.

— Да вроде интересно...

Вроде... Нелегко заглянуть в духовный мир этого съевшегося, ушедшего в себя юношу. Его не знают и родители. Многие годы сын был предоставлен сам себе. Никаких ЧП с ним не происходило, парень со скрипом переходил из класса в класс, выучился ездить на мотоцикле, играть в шахматы, фотографировать. Все ему предоставляли родители, вплоть до мотоцикла. Обо всем позаботились, кроме одного пустяка: не воспитали в нем чувства ответственности. Он оставался для них все еще малышом, сыном, которого надо ублажать. Впрочем, отец, скорее всего, не ощущал этого. Его больше привлекала компания собутыльников.

Так и рос парень, ни плохой, ни хороший, не очень дисциплинированный, но и не хулиган, без ярко выраженной цели в жизни, открытый для любого влияния. Окажись рядом с ним вдумчивый и заботливый воспитатель, могло бы все пойти иначе. Но рядом был вечно подвыпивший отец, мастер интересовался только тем, как осваивает мальчик профессию. И когда появился Брагин, у Коли не оказалось никакого запаса сопротивляемости.

Оленины живут рядом. Обстановка та же, такой же маленький домик, небольшая комната, даже картина на стене, кажется, та же — знаменитые «Охотники на привале». Но по каким-то неуловимым признакам здесь сразу ощущаешь атмосферу хорошей рабочей семьи. Отец уже не молод, на пенсии, по ее размеру можно сказать о его былой квалификации: 120 рублей может получать тот, кто в прошлом имел очень высокий разряд. Плюс к пенсии он прирабатывает. Так что семья с достатком, мать тоже работает, и вдвоем они растят одного своего Васю.

Вася сидит тут же. Все то же детское выражение лица, неуверенный, боязливый взгляд. Как и у Коли, у него нет никакой ясной цели. Любит приключенческую литературу, ходит в кино, играет в шахматы. Ученье его не интересует — занимается лишь потому, что требуют. Растет та-

кой тихоня, не принося большой радости ни себе, ни людям. Как и Коля, ждет толчка извне. Толкали его школа, ПТУ. Он нехотя подчинялся. И с радостью пошел за Брагиным, потянувшим его в заманчивый мир «отчаянных».

Разговор с родителями и с Васей почти дословно совпадал с предыдущим. Отец и мать, оба достойные рабочие люди, до сих пор не понимают, как могло случиться это. Парню уже семнадцать, но невдомек им, на какой опасный путь он встал, связавшись с Брагиным, хоть и сохранил все ту же кажущуюся невинность полудетских глаз.

В семнадцать лет мальчик уже почти мужчина. Он уже способен совершать серьезные поступки, самостоятельно определять линию своего поведения. Что же решал Вася самостоятельно? Разве что удрать с уроков... Инфантилизм, столь нередкий при отсутствии правильного воспитания.

Надежные руки товарищей

Заводские корпуса возникают неожиданно среди кварталов бесчисленных маленьких домиков на восточной окраине города. Еще издали слышен шум двигателей. После долгих блужданий, лавируя между зданий, электрокаров, автомашин, я добираюсь до конторы. Довольно быстро нахожу того, кто мне может помочь — Нину Андреевну Матушкину, инженера по работе с подростками отдела кадров.

— Забродина мы знали совсем мало, — рассказывает она, перебирая карточки учета несовершеннолетних, которые заведены на каждого из них. — Он пришел на завод с направлением по окончании ПТУ и сразу обратил на себя внимание своей настойчивостью и, я бы сказала, нахальством. Дело в том, что выпускникам ПТУ, начинающим работать на предприятии, полагается предоставить отпуск в течение полугода. Он же вызывающе требовал дать ему отдохнуть немедленно, не считаясь с требованиями производства. Это произвело не очень приятное впечатление. Поработал Забродин несколько дней, потому что отпуск ему все же не дали, а затем исчез. Только много позднее мы узнали о том, что произошло...

Вторично он пришел на завод в середине октября, через несколько дней после суда. Смотрю — и не узнаю, парня словно подменили. Скромный, тихий. Куда делась его напористость? Почти два месяца, проведенные в тюрьме перед судом, послужили, как видно, хорошим уроком.

— Что же теперь вы предпринимаете для перевоспитания?

— Вы знаете, у нас очень хороший коллектив. И окружение у Забродина подобралось неплохое, к нему доброжелательны, заботятся о его профессиональном росте, о поведении. У него есть наставник, обучающий делу, и есть товарищ — комсомолка Лида Петруничева, комитет комсомола поручил ей его воспитание.

Главное — добиться, чтобы он учился. У него серьезные пробелы в знаниях. И мы поставили цель — строго следить за его учебой, успеваемостью, не прощать пропусков занятий и двоек. Ведь если человек работает и одновременно учится в вечерней школе, время так плотно загружено, что его не остается для бессмысленного шатания.

— Так вы уверены, Нина Андреевна, что из парня будет толк?

— Почти на сто процентов. У нас на заводе очень много внимания уделяется подросткам. Пожалуй, самый серьезный болельщик за дела несовершеннолетних — директор завода. Он не только возглавляет совет подростков, но и заботливо следит за судьбой многих из них, особенно неблагополучных.

Кроме обычных, как и во всех коллективах, начинаний, таких, как посвящение в рабочий класс, проводы в армию, мы проводим каждый месяц родительские собрания. И знаете, на них приходит больше родителей, чем на такие же собрания в школах. Идет серьезный разговор о том, как трудятся и ведут себя наши мальчишки.

По тому, как Матушкина произносит эти слова, можно почувствовать, как близки ей эти «мальчишки».

— Вы прирожденный педагог, Нина Андреевна, а совсем не инженер.

— Так это должность только так называется. Наша работа чисто воспитательная. Да и по образованию я педагог...

Как видно, Николай попал в надежные руки. Ему не докучают каждоминутной придирчивой опекой. Просто его окружают заботливые люди, не безразличные к его судьбе. Более того, чувствующие ответственность за то, как сложится жизнь, столь нелепо начатая.

До завода, где работает Вася Оленин, долго добираться. Это в так называемой Восточной промзоне. Тут нет жилых домов, только длинные ряды заводских корпусов, трубы, тяжело урчащие автомашины, автокраны. Страна индустрии. Мне кажется, всякий, приехавший сюда впервые утром на работу, сразу ощущает себя частицей этого необычного мира, грандиозного механизма, выпускающего совре-

менную технику — вплоть до самосвалов и электронно-вычислительных машин.

Где-то тут трудится и Вася Оленин. Положение его отличается от Колиного. Коллектив взял его на поруки, принял полную ответственность за его поведение.

Прежде всего я встречаюсь с высоким широкоплечим молодым человеком. Настоящий добрый молодец, как в сказках, только сугубо современный, маг и чародей по части самой хитрой техники. Это электрослесарь Виктор Плосков, председатель совета молодых рабочих.

Историю Оленина знает во всех подробностях. Он знакомит меня с инженером по работе с подростками Галиной Владимировной Квитко и они вдвоем подробно рассказывают о том, как поставлена работа с условно осужденным.

На предприятии получен приговор суда. Из комиссии по делам несовершеннолетних поступило отношение с просьбой выслать характеристику на Оленина и взять его под контроль. Заинтересованность двух столь серьезных инстанций обязывает.

— Прочитав приговор суда, я просто в ужас пришла, — рассказывает Галина Владимировна. — Такое пятно на нашем коллективе! Мы сразу провели расширенное заседание цехкома, пригласили туда Оленина, чтобы он рассказал обо всем сам, дал оценку своему поведению. Мы увидели, что парень искренне раскаивается и всерьез задумался о своем будущем.

Виктор сообщает еще важную новость. К Оленину прикреплен общественный воспитатель. Это не пустая формальность для отписки. К выбору кандидатуры отнеслись со всей тщательностью. Самым внимательным образом проверили не только производственную характеристику, но и узнали, нет ли неладов в семье, не выпивает ли часом будущий воспитатель. Выбор оказался во всех отношениях удачным. Особенно кстати то обстоятельство, что Вячеслав Романенко, передовой рабочий, член КПСС, живет в нескольких домах от Оленина. Более того, знает его с малых лет, отлично знаком с семьями обоих правонарушителей.

Поговорил я с Романенко. Человек он спокойный, мало-разговорчивый и располагающий к себе.

— Василий у меня, по сути дела, целый день на глазах. В цеху почти рядом работаем, да и дома встречаемся каждый день. Тихий парень, никогда за ним раньше не замечалось ничего такого. И семья хорошая. Но нельзя таких ребят оставлять без присмотра — дурной пример заразителен.

По инициативе Галины Владимировны Романенко в особой тетради в конце каждой недели вносит запись: как работал его воспитанник, как учился, не было ли прогулов, пропусков занятий или еще каких-нибудь особых происшествий. Каждую пятницу общественный воспитатель и его подопечный должны являться в отдел кадров для беседы.

Вся эта многоступенчатая, всеохватывающая система контроля и наблюдения отработана, как видите, во всех деталях. Государство и общественные организации не жалеют сил и средств, чтобы гарантировать исправление неустойчивых подростков, споткнувшихся в начале жизненного пути.

Кто виноват?

На цеховом собрании, когда брали на поруки Оленина, выступал заместитель секретаря комитета комсомола завода Дмитрий Шишков (впоследствии он же — общественный защитник).

— Товарищи, — горячо говорил он, — в беду попал наш товарищ по работе...

Заметьте — попал в беду. Не совершил преступление, не нарушил закон, а попал в беду. У оратора не нашлось гневных слов для осуждения преступника. Снисходительность...

Снисходительность сопровождала этих ребят с самого начала. Им легко прощались плохие отметки в школе и проделки на улице. Их заботливо одевали, кормили, покупали, что ни попросят, не требуя взамен отдачи хотя бы в форме прилежания на занятиях. Их порой журили в ПТУ, но мальчишки отлично знали, что преподаватели так или иначе дотянут их до благополучного окончания. Их заставляли учиться одновременно в вечерней школе, чтобы завершить среднее образование, но они с легким сердцем пропускали уроки, не ожидая от того никаких серьезных последствий.

И ведь вот что любопытно: не найдешь тут главного виновника. Вина каждого — родителей, учителей, товарищей по работе словно бы и незначительна: недосмотрели, не задумались над тем, что семнадцатилетние юноши в сущности взрослые, что пора смотреть на них, как на людей, полностью ответственных за свои поступки.

Так и текла их жизнь, не обремененная ни заботами, ни тревогами. До 5 августа. И тут встает закономерный вопрос: а что, если бы 5 августа не было этой роковой встречи с Женькой? Может быть, не стали бы они преступниками?

Бряд ли. Выросшие в обстановке попустительства, лишённые чувства ответственности за свои поступки, эти ребята с неизбежностью шли к печальному финалу. Появление Женьки послужило как бы легким толчком, сдвинувшим давно нависшую лавину. Не встретиться он, нашлись бы десятки других поводов, чтобы выпустить на волю то, что постепенно созревало в глубине их подсознания.

Быть может, ребятам как раз повезло, что дело кончилось «телесными повреждениями средней степени», как сказано в заключении судебно-медицинского эксперта. Когда утерян контроль над собой, дьявол может подсунуть в руки нож...

Вместо этого вступила в действие тщательно продуманная, до деталей отработанная система перевоспитания. Народный судья выезжает на дом, комиссия по делам несовершеннолетних берет под контроль, комитеты комсомола обсуждают на своих заседаниях, общественные воспитатели следят за поведением и учебой, работники отдела кадров не жалеют времени на изучение быта условно осужденных. Включаются цеховые комитеты профсоюза, советы молодых рабочих... Ребята «обложены со всех сторон», десятки взрослых умных людей озабочены их учением, работой и нравственным ростом.

Можно взглянуть на все дело еще с одной, несколько необычной точки зрения. Я попробовал примерно, в очень грубом приближении, прикинуть, во что обошлось и еще обойдется государству совершенное преступление и его последствия. Если взять только затраты времени работников милиции, прокуратуры, суда, общественности заводов, они выразятся в цифре что-то около 60—70 человеко-дней высококвалифицированных специалистов. Почти два месяца, проведенные в предварительном заключении, здоровые семнадцатилетние парни были оторваны от общественно полезного труда.

В пьесе И. Дворецкого «Человек со стороны» один из героев бросает крылатую фразу: «Ложь неэкономична». По аналогии можно сказать: плохое воспитание нерентабельно. Затратив куда меньше сил и средств на совершенствование воспитания, можно избежать серьезных ЧП в будущем. Короче говоря, дешевле предотвратить преступление, нежели наказывать преступников. Не говоря уже о моральном ущербе. Преступление 5 августа тяжело отразилось на семьях потерпевших, стоило многих бессонных ночей родителям. Это ведь не выразишь никакими цифрами...

Один из путей предотвращения преступлений — показа-

тельные процессы в учебных заведениях. Наверное, учащиеся ПТУ, где проходил суд над Оленным и Забродным, надолго его запомнят. Нравственное, воспитательное значение приговора суда велико и в том случае, когда тюремное заключение заменяется условным.

Советский суд гуманен и справедлив. И в данном случае его приговор был единственно правильным. Виновные переданы в надежные руки общественности, они работают, через год пойдут в армию и, будем надеяться, станут полноценными членами общества.

...Уходя с завода, где работает Олений, я шел по коридору одного из цехов. Впереди, не замечая меня, быстро шагал Вася. Это был совсем другой юноша. Шел уверенной походкой, весело поглядывал по сторонам, рабочий человек.

ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ

Несколько лет назад ЦК комсомола Киргизии организовал социологическое обследование среди подростков, отбывающих срок в воспитательно-трудовой колонии. Участвуя в работе комиссии, проводившей это интересное обследование, мне пришлось встретиться и беседовать с рядом воспитанников, познакомиться с режимом и методами работы колонии. Вот несколько записей, сохранившихся в журналистском блокноте.

Не сопротивляясь злу

Из окошка комнаты, в которой мы сидим с Николаем А., открывается своеобразный пейзаж: забор, опутанный проволокой, за ним железная дорога. Как раз во время нашего разговора пассажирский поезд с грохотом проносится мимо. Мой собеседник провожает его взглядом.

Спрашиваю: «Хочется туда, вместе с ними?»

— Забор не пускает, — грустно, чуть иронически отвечает он.

Николай — приземистый, сильный юноша с живыми, веселыми глазами. Он многим интересуется, быстро соображает, коротко и дельно отвечает на вопросы.

Все бы хорошо.

Но передо мною серьезный преступник, участник ограбления нескольких магазинов. Этот приятный молодой человек вместе со своей компанией нанес государству ущерб, исчисляемый тысячами рублей.

Сижу и стараюсь совместить несовместимое. Вот эти умные глаза смотрели не так давно бессмысленным полупьяным взглядом, эти ловкие сильные руки — выставляли окно магазина...

Человеческая судьба напоминает тугой клубок ниток. Его нельзя распутать рывком. Только ухватившись за одну ниточку, можно постепенно, осторожно размотать весь клубок. Попробуем.

Активный, энергичный подросток, комсомолец, участник художественной самодеятельности. Увлекается водно-моторным спортом, ходит с ребятами в трудные туристические походы. Хорошо рисует, мечтает стать архитектором. Много читает. В общем — почти образец современного юноши.

В школе ему всегда интересно. Но стоит переступить порог собственного дома, как хочется немедленно повернуть обратно, уйти на улицу, в кино, на озеро, куда угодно, только бы не видеть и не слышать того, что здесь творится. Пьяная ругань. Отчим избивает мать, гонит ее из дома. И так каждый день — сегодня, завтра, послезавтра.

Жизнь Николая шла как бы по разным руслам. Когда шагал в походе или пел в хоре, старался забыть о домашних делах. Но как оставаться спокойным, если может быть в эту самую минуту мать закрывается руками от тяжелого кулака мужа?

Тут и подвернулся веселый сосед, неунывающий парень, свой в доску. Пригласил в кино, угостил папироской. С ним было легко и весело. Как это казалось здорово — иметь такого взрослого друга! И когда, много позже, «друг» налил Коле водки и посмотрел на него выжидающе и несколько издевательски «Слабак ведь, не выпьешь!», Коля выпил, как в воду бросился. Обожгло, затуманило голову. Потом все стало как-то безразлично.

Вскоре «друг» дал в долг пятерку. «Сочтемся, не беспокойся». А деньги Коле становились все более нужны. Вокруг соседа собралась дружная компания. Как признаться в безденежье — засмеют. Ищи грёбши на курево, на водку, потом, чтобы угостить девочек.... Занял раз, другой, третий. «Друг» охотно давал.

Пошло на перекосы и со школой. Трудно готовить уроки с перепоя, не выспавшись, да и не то на уме. Стал пропускать занятия, потом и вовсе забыл дорогу в класс.

Настал момент, когда «друг» потребовал расплаты. Не деньгами, а делом. Будь, дескать, добр — докажи, что ты человек, а не тряпка. Так Николай пошел на первое преступление. И покатился по укатанной дорожке: угнать ав-

то машину, взломать окно, выкинуть награбленное, дать «ходу» — и снова все сначала.

— Как же все-таки ты решился на такое?

— Был все время как в дурмане. Почти не сознавал, что делаю. Да и стыдно казалось отстать от новых товарищей. Потом хотел бросить, отвязаться от них, но сосед грозил отомстить. Я уже боялся его.

Такова предыстория появления Николая в детской воспитательно-трудовой колонии. Здесь он уже год. Тут и отметил свое семнадцатилетие. Чудесный был бы день, если бы не сознание, что ты надолго вычеркнут из общества...

Год прошел для него не бесследно. Николай хорошо учится, стал активным общественником: он председатель совета отряда, староста класса. В нем не осталось как будто ничего от блатного прошлого — подтянут, энергичен, дисциплинирован.

Появилась и перспектива. Срок у него большой — 8 лет. Но можно надеяться на досрочное освобождение. Тогда он закончит среднюю школу и, чем черт не шутит, может когда-нибудь и сбудется его мечта стать архитектором.

Таков путь Николая А. Я отнюдь не склонен проливать слезы над его несчастной долей, сваливать всю вину на семью, на школу, на комсомол. Достаточно развитый, он не мог не понимать, что стал на путь преступления. Он полностью ответственен за все, что сделал.

Другой вопрос волнует, когда думаешь о его судьбе. Почему мальчик, так хорошо, казалось бы, воспитанный школой, комсомолом, с отличными задатками, оказался столь беспомощным, когда столкнулся не в книжке, а в жизни с реальным злом? Если бы семья была иной, в трудный момент он не оказался бы таким незащищенным.

Вспоминаются слова, сказанные писателем Григорием Медынским по поводу аналогичной судьбы (только речь шла о девушке): «...ни семья, ни школа, ни комсомол, ни заводская среда не подготовили ее ко встрече со злом, не выработали в ней ни умственной зоркости, ни житейского опыта, ни моральной сопротивляемости... и ее инфантильная наивность оказалась бессильной перед дьявольским коварством зла». (Г. Медынский. Трудная книга, стр. 146).

Очень все похоже.

Учили всему хорошему, но не научили сопротивляться плохому. И когда опытный рецидивист стал заманивать в свои сети, мальчик не устоял.

Сейчас он в иной, совершенно новой для себя обстановке, рассчитанной на то, чтобы исправить ошибки прошлого.

Боюсь ошибиться, но мне кажется, что выйди отсюда, Николай обретет эту вот самую сопротивляемость злу, которой не хватило ему тогда, два года назад.

После Николая разговор начинается с другим и, сказать по правде, мне становится не по себе.

Убийца. Так говорится в документах. По наружности же это вымахавший едва не до притолоки подросток с почти детским лицом и безразличным взглядом белесых глаз. Как будто самый обыденный. Тем не менее это он, грабя магазин, убил сторожа, стукнув его железным ломом по голове. Это он за короткий срок совершил несколько тяжких преступлений и получил 10 лет — максимальный срок для несовершеннолетних.

Даже не это особенно страшно. Больше всего пугает его непробиваемое сонливое безразличие. В ответ на любой вопрос ухмыляется, пожимает плечами. Газеты, книги? С трудом вспоминает, не может припомнить ни одной. В кино и то бывал редко. Даже к спорту равнодушен.

Ни о каких моральных устоях, даже о подобии каких-то убеждений вообще говорить не приходится. Александр В. ничего не усвоил из того, что пытались привить ему школа, общество.

Бросил школу два года назад, не учился, не работал.

— Что же ты делал?

— Да так, гуляли с ребятами...

Бесцельно проведенные дни, месяцы, годы. Безразличие родителей, равнодушные педагогов. Рос, как курай на пустыре. Теперь все те, ранее допущенные ошибки, призвана исправить колония.

Первая заповедь

С грохотом захлопывается дверь. С этой минуты воспринимаешь все окружающее с обостренной наблюдательностью. Итак, ты в жилой «зоне», где расположены общежитие, школа, клуб. Рядом «производственная зона» — несколько заводских цехов. В этих двух зонах протекает жизнь воспитанника. Она строго регламентирована, определена достаточно суровыми правилами, неукоснительно соблюдающимися. Все рассчитано так, чтобы каждый час был разумно занят, чтобы не оставалось времени на бесцельное шатание, безделье — ничего не может быть вреднее для неустойчивого подростка.

Подъем, зарядка, завтрак, школьные занятия, обед, профтехобучение или работа в цеху, подготовка уроков,

ужин, вечерняя поверка, общественные дела, отбой. Все точно по минутам. Только с восьми вечера относительно свободно: в это время проводятся беседы, заседания общественных организаций, репетиции самодеятельности и так далее. На так называемое «личное время» отведено еще меньше, всего полчаса перед сном. Дважды в день — поверка.

В гости к воспитанникам колонии приезжают старые большевики, участники Великой Отечественной войны, чтобы рассказать о высоких примерах доблести и героизма.

Каждый воспитанник должен получить профессию. Для этого он первое время проходит курс профтехобучения. Здесь готовят слесарей, токарей, штамповщиков. Через шесть месяцев ему предстоит сдать на первый разряд, а тогда перейти на производство и там совершенствовать свою специальность.

Параллельно идут занятия в школе. Как правило, те, кто попал в колонию, перед этим по нескольку лет не учились, да и когда ходили в школу, занимались кое-как. Учителя выполняют трудную задачу: приохотить к учению, чтобы не пропали для образования годы, проведенные в заключении.

Самоуправление построено на макаренковских принципах. В каждом отряде, в каждом отделении есть совет воспитанников во главе с председателем. Туда входят лучшие, самые дисциплинированные и надежные ребята. Работают комиссии: хозяйственная, санитарная, производственная, школьная, культмассовая, КВП. Последняя — комиссия внутреннего порядка — главная опора воспитателей. Ее члены следят за порядком, предупреждают нарушения режима. Все члены советов и комиссий составляют актив. Это важный рычаг, пользуясь которым можно влиять на неустойчивых подростков.

Таков быт колонии. Продуманный устоявшийся.

И все-таки...

Ходишь по этим лестницам и коридорам и порой начинает казаться, что находишься в каком-то интернате. Стены густо расписаны: тут тебе и немислимо красное солнце, и космическая ракета, и лозунги. Лозунги, как и везде, говорят о юбилее Октября. И парень, который их разрисовывает, на вид школьник-старшеклассник. Спрашиваешь воспитателя: за что он здесь? Грабитель...

Вот этот контраст между обычностью, заурядностью обстановки и чудовищностью биографий преследует в колонии на каждом шагу. Ровные ряды коек, как в казарме или в больнице. Но на каждой из них бирка, где кроме фамилии,

указаны статья Уголовного кодекса, по которой осужден, и срок. Грабежи, кражи, хулиганство, убийство.

Мальчишка, утративший за свою короткую жизнь представление о чести и нравственности, выводит в своей тетради высокие слова о партии, о Родине.

Не укладывается в сознании. Несовместимо.

Так что же, расстреливать их всех подряд? Махнуть рукой, пусть, мол, доживают, как хотят, все равно толку не будет? Да нет же. Рассказанная вначале история Николая А. — наглядный тому пример. Николай не один, таких много. Их надо воспитывать.

Какую же бездну педагогического такта надо иметь, сколько изобретательности, выдумки требуется от воспитателей, чтобы добиться от них толку! Какую точную меру строгости и внимательности надо отыскать!

Вот в этой связи и приходится задуматься над мерой строгости, необходимой в колонии. Дело даже не в наказаниях за провинности, их, вероятно, достаточно. Дело в неуклонной, неумолимой требовательности, в жесткой, воинской по сути дела дисциплине.

Суровая дисциплина, суровая обстановка необходимы, очевидно, в коллективе, состоящем из неустойчивых подростков, с несформировавшимися характерами. Речь идет, понятно, не о жестокости, а лишь о разумной строгости. Это не исключает, а предполагает чуткое внимательное отношение к каждому характеру. В том-то, вероятно, и состоит суть исправительной педагогики.

Полпроцента беды

Кариму семнадцать лет. Из них семь лет он скитался, бродил из города в город, жил на случайные заработки, воровал. Детские приемники, милиция, колония — все это для него давно стало привычным. Спокойно, даже иронически рассказывает он о своей страшной жизни. О том, как пил и дрался, а потом сидел в тюрьме отец, как сам он стал убегать из дому, как пристрастился к бродячей жизни, как судили его.

Рассказ Карима вызывает противоречивые чувства. Не можешь не возмущаться тем, насколько бессмысленно пустил по ветру мальчишка самую радостную пору своей жизни. И тут же замечаешь, с каким увлечением говорит он, например, о книгах. «Тараса Бульбу» прочел залпом. Его захватили могучие, цельные характеры, атмосфера героической борьбы. Как видно, не все заглохло в этой запущен-

ной, словно бы поросшей бурьяном душе. Хотя с опозданием, только в колонии, но пробудилась, зазвенела в ней какая-то струнка. Он уже неплохо учится, старательно работает.

Карим мечтает: «Выйду, домой не вернусь, чтобы к старому не потянуло. Поеду в Россию, к старшему брату — майору. Начну учиться в техникуме...»

Хочется верить в реальность его мечты.

Ведь самый опасный враг в колонии — равнодушие, апатия, отсутствие увлечений. Карим, можно надеяться, исправится, потому что ему становится интересно жить. Когда же видишь пустой, ничего не выражающий взгляд, слышишь односложные, монотонным голосом произнесенные ответы, когда у шестнадцатилетнего юноши не то, что каждая жилочка играет, а наоборот — походка развинченная, ходит еле передвигая ноги — вот тогда становится тревожно.

Неужто все безнадежно умерло в его голове и сердце? Неужели все испытанное оружие советской педагогики бессильно перед его непробудившимся интеллектом?

Разумеется, нет!

В «Трудной книге» Григория Медынского есть очень точные слова насчет «искры», иначе говоря критической точки в биографии человека, момента, когда пробуждается нравственное начало в личности. Такую «искру» можно высечь у каждого.

Это дело прежде всего воспитателей.

Большинство воспитателей в колонии — бывшие военнослужащие. У них отличная военная выправка, они веселы, бодры, подтянуты — превосходный пример для подражания. Многие из них заочно учатся в Высшей школе МВД или университете.

Но вот что интересно. К кому охотнее всего тянутся воспитанники? К тем, кто умеет их особенно чем-то увлечь. Юноши одного из отрядов с гордостью говорят: «Наш воспитатель спортсмен, чемпион республики». Не случайно и сами они заядлые физкультурники, а отряд — один из лучших в колонии.

Вокруг одного из мастеров производственного обучения всегда теснятся воспитанники. Оказывается, он участвовал раньше в ряде археологических экспедиций, увлекательно рассказывает. Любопытнейшие были истории. Припомним колонию Макаренко, «Республику ШКИД», «Путевку в жизнь», трудовые коммуны, организованные чекистами под Москвой. Во всех этих коллективах при всем различии

методов воспитательной работы было общее: сильные, яркие личности руководителей и воспитателей. Викниксор из «Республики ШКИД» был разносторонне образованным, талантливым педагогом. Поэтому ребятам было с ним интересно.

Конечно, Макаренки сотнями не рождаются. И все же каждому работнику колонии хочется посоветовать как можно больше знать и уметь, не жалеть времени на самообразование, расширять кругозор. В то же время надо, чтобы в колонию шли работать молодые педагоги высшей квалификации, комсомольские вожаки, чувствующие призвание к нелегкой профессии воспитателя трудных подростков.

Призвание... Не всякий, надо думать, стремится вместо обычной школы или интерната попасть на работу — куда — за высокий забор! Тут, быть может, потруднее, чем на ударных комсомольских стройках. Тем почетнее задача, стоящая перед комсомольцем — выпускником вуза, вызвавшимся работать в колонии. Неужто не найдется у нас таких? Есть ведь своеобразная романтика в том, чтобы не утраститься, пойти по пути Макаренко и чекистов двадцатых-тридцатых годов.

Такова одна сторона проблемы. Есть и другая.

Следовало бы, мне кажется, подумать и о расширении возможностей воспитателей. Не каждый подросток в 15—17 лет стремится петь или играть в эстрадном оркестре. Многих больше привлекает перспектива мастерить, решать сложные технические задачи. Работа на производстве только частично удовлетворяет эту потребность.

Почему бы не дать простор технической фантазии, предоставив условия для всякого рода моделистов и конструкторов? Сколько равнодушных можно было бы увлечь, создав минимальную техническую базу.

Мне могут сказать: ишь чего захотели! Мальчишка совершил преступление, а ему подавай авиамодели, создавай условия, чтобы он, видите ли, творчеством занимался.

А недавно один очень уважаемый товарищ, узнав о том, что комсомольцы затеяли социологическое исследование среди воспитанников колонии, поразился: «Почему вы выбрали такую проблему? Преступников у нас от силы полпроцента. Так стоит ли уделять им так много внимания? Как будто нет вопросов поважней».

На самом деле несовершеннолетних преступников даже намного меньше. Только не всегда и не все можно сводить к цифре.

Подросток сурово наказан. На несколько лет он исклю-

чен из нашего общества. Но вправе ли мы начисто забыть о нем? Пройдет время и он вернется. И каким он вернется, не безразлично обществу. Что, если он останется прежним и потянет за собой других неустойчивых мальчишек? Ни в рублях, ни в процентах не считаешь тот непоправимый урон, который он нанесет нашему общему делу.

Колония — не зиндан, куда сбрасывают обреченных преступников, и не угол, куда ставят провинившихся детей. Колония должна быть своего рода нравственной купелью, откуда молодой человек выходит преображенным. Уже сейчас большинство бывших ее воспитанников честно работают, за что нельзя не сказать спасибо педагогам и воспитателям. А надо, чтобы каждый, прошедший эту жесткую школу, вышел, узнав радость настоящего труда, приобретя интерес к жизни. Каждый! Независимо от того, какой ничтожный процент от всего он составляет.

УДЕРЖИСЬ ОТ ВТОРОГО ШАГА

Жарким сентябрьским днем по одной из дорог Чуйской долины ехал автобус. Заполнившие его юноши весело пели, смеялись, подначивали друг друга, коротая долгий путь. И только в самом заднем ряду парень лет семнадцати сидел молча, глаза его слипались, а голова то и дело бессильно клонилась на грудь.

Путь автобуса лежал в колхоз, а ехали на нем учащиеся одной из групп Фрунзенского технического училища № 1. День у них начался неудачно: долго не было машины и ребята истомились в ожидании. И надо же было так случиться, что один из них встретил друга и куда-то с ним исчез ненадолго. А когда вернулся, товарищи сразу заметили, что дело неладно: глаза красные, мутные. Все ясно: выпил. Ну и постарались усадить его в автобусе подальше от глаз мастера — Александра Андреевича Ракуленко.

Он, пока ехали, действительно, ничего не заметил, зато когда добрались до места назначения, захмелевший парень сразу себя выдал, невнятно бормотал и пошатывался.

Вот тебе и начало учебного года! Группу только сформировали, собрались в нее мальчишки из разных городов и районов республики, еще мало знающие друг друга. Нельзя допустить ни малейшего послабления дисциплины.

Парня — назовем его Сашей — ждали серьезные неприятности.

Экстренно созвали комсомольское собрание. Александр

Андреевич начал с того, что рассказал о традициях училища, о добром имени их группы, о том, что среди его учеников не было и не может быть хулиганов и пьяниц. Ну, а потом сами ребята взялись за Сашу.

Все ниже и ниже клонилась его голова, тоскливым становился взгляд. Его уже не пугало возможное лишение стипендии, взыскание. Гораздо труднее было вынести осуждение товарищей и суровый взгляд мастера.

Уже после сельскохозяйственных работ, когда группа вернулась во Фрунзе и приступила к занятиям, Александр Андреевич достал из своего архива пачку старых документов и показал их ученикам. Документы семилетней давности, но мастер не зря заботливо хранил их. То были приговор народного суда, осуждавший одного из его прежних учеников на 15 суток за хулиганство, и письмо, адресованное руководству училища по этому поводу. Ученик давно окончил курс и успешно работает, а мастер хранит приговор и показывает его всем новым поколениям подопечных (сменяется их состав часто — каждый год).

Так начался трудный процесс воспитания пятнадцати мальчиков, входящих в группу, руководимую мастером Александром Андреевичем Ракуленко. Скоро они должны закончить курс и получить квалификацию электриков. Но кроме того, они должны стать хорошими людьми, достойными гражданами.

Александр Андреевич любит пофилософствовать на эту тему. Перед молодым человеком идет вниз опасная лестница. Вот, допустим, выпил он первый раз, или подрался — значит ступил на самую первую ступеньку. А там, если не удержать, шагнул на вторую, на третью, начал уже всерьез выпивать — опускаться ниже да ниже, пока не сорвется в пропасть. Так нельзя его допустить до второй ступеньки!

Самое главное — занять ребят. Тогда вот, на сельхозработах, я начал со спорта. Стали мы в свободное время играть в футбол. И я по старой памяти вместе с ними. Ребятам интересно — сам мастер два гола забил! А вечерами мы часто беседовали. О чем? Да обо всем. Главное, что мне хотелось прежде всего внушить ребятам — это правила поведения. Самые простые: как вести себя в обществе, на улице, даже за столом — некоторые и этого не знали.

Постоянно рассказывал им о славных традициях училища, из стен которого вышло много прославленных мастеров своего дела, настоящих людей.

Александр Андреевич не из числа тех наставников, что поддерживают дисциплину окриками и наказаниями.

— Вот ты поступил к нам в училище,— начинает он разговор с новичком. — Передо мной твоя характеристика из школы. Прямо скажем, неважная характеристика. Больше троечки не получал, да и хорошим поведением ты, видно, не отличался. Забудем про то, что здесь написано. Теперь все зависит только от тебя самого. Будешь стараться, не запачкаешь честь своей группы — станешь человеком. О выпивках забудь. Дурного слова чтобы от тебя никто не слышал. Договорились?

— Александр Андреевич,— спрашиваю я мастера, оставшись с ним наедине. — Скажите откровенно, не все же ученики у вас такие уж ангелы?

— Какие там ангелы,— машет он рукой. — Обыкновенные мальчишки. Способны на всякое озорство. Но суть-то в том, что стараемся мы не допустить их на ту самую первую — помните, я вам рассказывал? — ступеньку ступить. За малейшее нарушение, ну скажем, опоздал на урок, поругался с товарищами — получай дежурство вне очереди, подавай дневник — туда запишем выговор или порицание. За малейшее! Вот что главное. Результат — сами видите — не только какого-то преступления, ни одного серьезного проступка нет по нашей группе, да и по всему училищу.

С этого мне, наверное, и следовало бы начать свой очерк, если бы я не увлекся рассказом о группе мастера Ракуленко. Да, техническое училище № 1 помимо хороших показателей в учебной работе известно еще и тем, что вот уже три года ни один из восьмисот учащихся не совершал правонарушений. Хотя, вспомним слова Александра Андреевича: «Какие уж там ангелы!»

Действительно, когда проходишь по коридорам училища, невольно задумываешься о том, что далеко не образцы добродетели собрались здесь под одной кровлей. Вот они шумят, выходя из классов, и с любопытством поглядывают на незнакомого человека. Среди них и совсем еще девочки и мальчишки, недавно сидевшие за школьной партой, и совсем взрослые, даже усатые молодые люди, судя по выправке, отслужившие в армии. Им предстоит очень скоро стать буровыми мастерами, электриками, связистами, радиометеонаблюдателями, специалистами по шахтному электрооборудованию. Сегодня они ученики. Но вот этот парень с нахально поблескивающими маленькими глазами, кажется, не прочь стукнуть где-нибудь в подворотне мальчишку-слабака. А проходя по двору училища, недалеко от группы курильщиков, пришлось услышать выражение, взятое явно не из учебников. Попадаются ребята неряшливые, разбол-

танные, усвоившие себе специфическую походку этакого ухаря-оторви да брось... Их мало, но они есть. И их надо уметь держать в руках, мало того, воспитать для будущей жизни. Как?

Кое-что по этому поводу становится ясно из знакомства с делами в группе мастера Ракуленко. Но далеко не все.

Спрашиваю нескольких ребят: что самое интересное вам запомнилось за последнее время из того, что приходилось видеть и слышать? Ответ единодушен: лекция в клубе МВД, которую читал один генерал. Выясняется, что это генерал в отставке Владимир Иванович Лукшт, в прошлом заместитель министра внутренних дел республики, и рассказывал он о борьбе против пьянства и хулиганства. Ребятам понравилось все: и мужественная внешность лектора, и его манера говорить, и многочисленные примеры, взятые из жизни, и необходимые сведения о законах, о которых доступно и впечатляюще рассказал генерал. Например, ученики теперь точно знают смысл 215-й статьи Уголовного кодекса, самой, пожалуй, важной для них — об ответственности за хулиганство. А потом был фильм о милиции.

Важно то, что лекция Лукшта — не случайный эпизод, а часть общего продуманного плана кинолектория при клубе МВД, где подобные лекции-сеансы проводятся каждый месяц. Это, если можно так сказать, наглядные уроки основ советского права, курс которого ученики проходят в обязательном порядке. Посещение кинолектория не обязательно, но желающих попасть туда всегда хоть отбавляй. Ребята задают много вопросов, после же лекции долго еще в комнатах общежития и в коридорах училища не смолкают споры и разговоры об услышанном.

Ребята рассказывали мне также о том, как на сельхозработах они с увлечением читали номера журнала «Человек и закон».

Так поставлено правовое воспитание, вырабатывающее у молодых людей сознание ответственности перед обществом. Тем не менее даже отличное знание законов еще не гарантирует безупречного поведения. Если молодой человек предоставлен по вечерам сам себе и изнывает от безделья, черт, как говорится, не дремлет и мало ли на что может подтолкнуть его... Самая надежная броня от любых искушений — увлеченность каким-нибудь интересным делом.

— Бывает ли мне скучно? На это просто времени не остается. Занятия, подготовка, лекции всякие интересные, вечера, в театр ходим. А кроме этого я хожу в бассейн.

Это слова Коли Оропаева, будущего специалиста по

горному электрооборудованию, а пока просто веселого, всегда улыбающегося юноши. Его товарищ Валера Ильин не расстается с фотоаппаратом. Другие занимаются боксом, танцами, пением, гимнастикой, готовятся к КВН по электротехнике, состязаются в работе ключом на телеграфном аппарате, тренируются в стрельбе. Для них училище устраивает веселые вечера, приглашает лучших в городе лекторов, приобрело абонементы в киноуниверситеты «Наука и жизнь» и «Вокруг света». Тесные, загроможденные до предела кабинеты и аудитории маленького здания используются буквально на 200 процентов. Словом, стремятся сделать все возможное, чтобы занять руки, ум и воображение юношей и девушек, помочь им расширить круг их интересов, выйти в жизнь надежно защищенными от дурных влияний. Педагоги и мастера за один год (а если учесть и месяцы на практике, то и того меньше) должны добиться от своих учеников четкого знания и соблюдения необходимых правил жизни в обществе. А это очень трудная задача. Конечно, для большинства эти навыки привиты в семье и школе, но всегда остается какая-то доля неустойчивых. А неустойчивые — хорошая питательная среда для правонарушений. Вот на них-то и обращено основное внимание старших. Их надо вовремя удержать от второго шага по роковой лесенке.

ЮРИСТ И ВОСПИТАТЕЛЬ

Когда-то в кажущиеся теперь безвозвратно далекими времена, был в жизни Володи праздничный день — первый раз он пришел в школу. Удивительно приятно смотреть на лицо первоклашек первого сентября. Нет среди них плохих — у всех сияющие наивные глаза, все немножко смущаются и робко тянутся парами к школьной двери. Вместе со всеми радовался и смущался и Володя Парубков, ставший учеником первого класса одной из фрунзенских школ.

Прошло с той поры восемь лет. Каждое утро в колонии для несовершеннолетних преступников на перекличке называют Владимира Парубкова. Отзывается долговязый подросток. Лицо его выглядит помятым, преждевременные морщины заметны у глаз и на лице, глаза смотрят хмуро.

Что же произошло за эти годы? Как обыкновенный мальш превратился в преступника, которого пришлось изолировать от общества?

Именно такой вопрос стоял перед Ниной Терентьевной Павлиц, следователем Первомайской прокуратуры, когда к

ней в кабинет впервые вошел Володя, задержанный после серьезного преступления. При слове «следователь» у каждого из читавших детективные романы возникают привычные ассоциации. Кровавые следы на полу, неясные отпечатки пальцев...

Весь этот набор примелькавшихся аксессуаров надо на чисто отбросить, когда речь заходит о работе Нины Терентьевны. Она расследует преступления, совершенные несовершеннолетними.

Чаще всего фабула таких преступлений несложна и не требует серьезных усилий для доказательства виновности. Ее главная задача иная, не менее сложная, и требует не меньше мудрой проницательности. Ей важно прежде всего разобраться в личности юного преступника, понять мотивы, толкнувшие его на нарушение закона, узнать предысторию преступления.

Допрашивая Володю Парубкова, расспрашивая о его поведении в школе и дома, беседуя с его родителями и учителями, она постепенно нарисовала себе портрет подростка. Первые три года в школе он мало чем отличался от остальных ребят. В четвертом классе учителя стали замечать, что Володя избивает своих товарищей. Это не были обычные мальчишеские потасовки. Более рослый и крепкий, Парубков именно избивал ребят с какой-то недетской жесткостью.

В пятом классе он стал выпивать. Звучит дико, но факт — фактом, одиннадцатилетний мальчишка уже узнал вкус спиртного. Учился кое-как, а вскоре и вовсе бросил школу, подолгу пропадал из дома. Научился воровать. Сначала это были вроде мелочи, — ручки, карандаши, потом дело дошло до денег.

Его направили в спецшколу, где учатся такие вот трудновоспитуемые ребята. Но и это не помогло. Парень рос, взрослел, но оставался все таким же, не признающим никого и ничего. За ним уже числилось немало проступков, за которые он нес пока лишь частичную ответственность, так как не исполнилось еще четырнадцати лет. Затем он избил малыша на улице, сорвал с него дорогую шапку, потом продал ее и на эти деньги напился.

И вот — кабинет следователя. День за днем идут беседы. Нина Терентьевна стремится докопаться до самых первоисточников, понять, окончательно ли потерян парень. И Володя становится все откровеннее. В последней беседе перед тем, как оформить дело для передачи в суд, следователь спрашивает в упор:

— Ну как, Володя, сумеешь ли ты сам совладеть с собой, перестанешь пить и воровать?

И подросток с трудом выдавливал:

— Да, нет, уже не смогу. Меня слишком избаловали, я привык считать, что мне все позволено.

Избаловали... Нина Терентьевна вспоминает, как приходила мать, плакала, упрасивала, не передавать дело в суд, обещала своими силами управиться. Где уж там... Ведь перед глазами Володи с самых малых лет был наглядный пример отца, избивавшего мать. Именно от него он получил первые уроки жестокости. Так что от семьи ничего хорошего ждать не приходится.

Уверенной рукой следователь подписала обвинительное заключение. Парубков на два года водворен в колонию для несовершеннолетних.

Поучительная история, способная послужить хорошим уроком для тех родителей и воспитателей, кто всеми силами старается выгородить своего «птенчика».

Вспоминается, как несколько лет назад в одной из фрунзенских школ учителя, директор, родители энергично стремились обелить четверых мальчишек, которые поздним вечером останавливали прохожих и требовали у них денег на выпивку. Даже общественного суда над ними не устроили, ограничившись проработкой на комсомольском собрании. Плохую службу сослужили добренькие взрослые этим ребятам, внушив им, что все может сойти с рук, если найдутся заступники.

Характерно, что в течение нескольких лет Нине Терентьевне совсем не приходилось иметь дело с учениками 33-й фрунзенской школы. Там почти изжиты нарушения общественного порядка. Педагогический коллектив во главе с директором Клавдией Федосеевной Андриевской сумел поднять самих школьников на борьбу со всякого рода проступками. Созданный из учеников штаб общественного порядка не прощает товарищам никаких отступлений от дисциплины. Но ведь в районе не одна 33-я школа. И работы у следователя хватает.

Бывают случаи, когда следователь Павлиш (и она это делает с особым удовольствием) подписывает заключение о прекращении следствия. Это значит, что после тщательного изучения материалов дела и личности подростка следователь приходит к выводу, что нет оснований для предания его суду. И вместе с тем, сам процесс следствия, долгие беседы со следователем, умелым и тонким воспитателем, являются своеобразной формой общественного воздействия.

Н. Т. Павлиш не помнит, чтобы подросток, чье дело прекращено следствием, снова попал в поле зрения милиции и прокуратуры. Завершив дело своего подопечного, Нина Терентьевна продолжает следить за его поведением, спрашивается о нем в школе, заходит к нему домой.

Был в ее практике удивительный эпизод. Пропали две картины из художественного музея. Милиция искала опытного преступника. А им оказался... мальчик. Дима не хотел извлекать какую-то выгоду из своего поступка, он просто очень любил живопись, любовался похищенными картинами, копировал их, хотел позже вернуть. Ни мотивы его проступка, ни личность нарушителя не внушали тревоги за его будущее. Закон допускает снисхождение в подобных случаях. Следователь прекратила дело. И, видимо, не ошиблась. Дима хорошо окончил школу, поступил в институт и всегда будет помнить Нину Терентьевну, ее наставления, определившие его жизненный путь на долгие годы.

Следователь, ведущий дела несовершеннолетних, должность особая. Она требует сочетания суровости и доброты, безупречного знания законов и особого дара понимать подростков, уметь разговаривать с ними. Юрист и воспитатель, непреклонный представитель Закона и доброжелательный старший друг — таковы неперемennые качества того, кому государство доверило вести дела о подростках.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРУДНЫХ ДОРОГ

«Мои мечты о будущем». Раньше я был глупым, мало что понимал, я творил что хотел: пропускал уроки в школе и бездельничал дома. Но сейчас я стал взрослым и многое понял, но понял я еще не все, но все равно я понял. Теперь я буду учиться! Закончу восьмой класс и поступлю учиться в железнодорожное училище, конечно, если мне удастся. Но я думаю, что это все будет так. Когда я поступлю в училище, я пойду в вечернюю школу и окончу 9—10 классы. Отслужу в Армии и приеду, буду работать, помогать сестрам, братьям и матери. Вот такие у меня мечты на будущее и я уверен, что все будет так, как я думаю».

Это сочинение 14-летнего мальчика написано не в школе, хотя и за ученической партой. Он писал его в классной комнате детского приемника-распределителя МВД Киргизской ССР.

Пройдя через тяжелую, со звоном отпирающуюся дверь, оказываешься на просторном дворе с чисто выбеленными

приземистыми зданиями, баскетбольной площадкой, с опытным участком. Здесь все очень похоже на маленькую сельскую школу.

Но попадают сюда не для учения и не по доброй воле. Сюда доставляют на милицейской машине ребят, сбежавших из дому и отправившихся на поиски приключений. Сюда попадают подростки, совершившие мелкие кражи и ожидающие решения комиссии по делам несовершеннолетних. Сюда, наконец, привозят детей из неблагополучных семей, чьи родители лишены прав материнства и отцовства.

И пути отсюда разные. Одних ребят, не перешагнувших черту, разделяющую проступок от преступления, возвращают родителям. Тех, чьи провинности более серьезны, ждет спецшкола (до 14 лет) или специальные ПТУ для несовершеннолетних нарушителей, а в наиболее тяжелых случаях — и колония. Детей же, ставших сиротами при живых родителях, государство направляет в детские дома и интернаты.

Сочинение, приведенное в начале, написал Петя Мурзин. Вырос, как принято говорить, в неблагополучной семье. Отец погиб, мать лечилась в больнице от алкоголизма. Не удивительно, что Петя стал «трудным» подростком. И комиссия по делам несовершеннолетних решила направить его в специальное ПТУ. Но путь в училище лежит через детский приемник-распределитель. И вот, после медицинского осмотра и заполнения документов, он сидит лицом к лицу со спокойной, доброжелательной женщиной, внимательно из-под очков вглядывающейся в неизвестного мальчишку. Впрочем, она знала из документов о Петиних бедах, о том, что забыл он уже, какая она бывает, мирная семейная жизнь.

Поэтому воспитательница разговаривала осторожно, стараясь ненароком не затронуть того что болезненно. Важно было составить представление о том, что интересует и волнует ребенка, как относится он к окружающим, как лучше подойти к этой уже много испытавшей душе. Характеристика из школы была мало утешительна: подросток трудный, способен на дурное, курит, сквернословит.

— Ты ведь уже не маленький, все понимаешь, — говорила ему собеседница. — Докажи, что ты как мужчина можешь побороть себя.

После беседы появилась и первая запись в дневнике наблюдения: «Имеет замкнутый характер, требует особого внимания. Он может совершить плохой поступок, может быть вспыльчивым и раздражительным, не терпит окриков и ос-

корблений. Петр задался целью воспитать в себе характер, получить хорошую характеристику».

Так началась борьба за человека. Перед Валентиной Григорьевной Сайченко стояла задача за короткий срок изучить психологию подростка, помочь ему найти себя в новой обстановке и, может быть, повлиять на его дальнейшую судьбу.

В дневнике появляются новые записи (привожу только некоторые):

«27 января. Во всех видах работ и в учебе принимает участие. Молчалив.

8 февраля. Верю Петру. Написала ходатайство о пересмотре решения комиссии по делам несовершеннолетних.

17 февраля. У Петра хорошие способности руководить детьми. Не груб, но требователен.

5 марта. Ведет себя отлично.

16 марта. Решение комиссии пересмотрено. Отдан домой под надзор тети».

За этими лаконичными записями — часы, дни кропотливого труда воспитателя. Валентина Григорьевна наблюдает за поведением своего подопечного, когда он встает, идет на зарядку, работает, читает, разговаривает с ребятами, занимается в классе, смотрит телевизор.

Для нее характеристика из школы — это еще не все. Да, и судьба у мальчишки сложилась трудно. И только глубокое понимание детской психологии помогло ей рассмотреть под оболочкой дерзости и глухой замкнутости натуру еще не вконец испорченную, способную отозваться на доброту.

Права ли была Валентина Григорьевна, взяв на себя смелость не согласиться с решением авторитетной комиссии и добиться его пересмотра? Верный ли путь помогла выбрать она своему воспитаннику?

Члены комиссии при всем своем опыте и мудрости не знали Петра Мурзина так, как узнала его воспитательница. Они основывались на документах, она — на понимании психологии подростка.

Сочинение его написано не под диктовку. Неуклюжим детским еще языком он рассказал о своих истинных мечтах и надеждах. Сейчас он учится в обычном ПТУ, живет в семье, куда вернулась из больницы мать, приехал и старший брат, отслуживший в Армии. Входит в колею семейная жизнь и то, о чем писал Петя в сочинении, видимо, сбывается.

Сотни таких ребят проходят за год через распределитель. У каждого из них своя неповторимая судьба. Трудно пред-

ставить себе, что за короткий срок пребывания в ДПР воспитателям удастся решительно изменить склонности воспитанников. Ведь, как правило, это подростки, чей характер на переломе, когда они сами еще не знают, куда устремить свою молодую энергию.

Вот еще цитата из сочинения:

«О чем я мечтаю? О многом. Например, о маминной ласковой руке. А больше всего я хочу на сцену. Я очень люблю петь и люблю детей. Когда я кончу учиться, я, наверное, пойду работать в детский сад, а в свободное время буду участвовать в художественной самодеятельности. Или нет, я лучше пойду работать на текстильную фабрику, моя мама там почти всю свою жизнь проработала. Еще я мечтаю скорее стать хорошей, чтобы отблагодарить своего брата. Я так его люблю. Вот видите, сколько много я думаю. Даже у самой глаза разбегаются...»

Все перепуталось в голове у этой девчонки, за свои 15 лет успевшей наделать немало глупостей. Ее сбивчивые мечты с широким размахом — от сцены до текстильной фабрики — вызывают улыбку. Но сквозь этот сумбур ясно проглядывают зачатки доброго. За те немногие недели, что провела она в ДПР, Валентина Григорьевна терпеливо, незаметно старалась направить ее мысли на единственно правильный путь, привить интерес к литературе, заставить более серьезно задуматься о своей дальнейшей судьбе.

Что будет с девчонкой через год, два, пять? Пока она направлена в спецПТУ, где получит профессию. Начало положено.

Случается и по-другому. Особое место среди подростков, побывавших в особняке в тихом закоулке, занимают «романтики». Это те, кто, начитавшись приключенческой литературы, отправляются путешествовать, кого влекут неизведанные пути и экзотические страны. Когда мальчишке 13—14 лет, он не очень задумывается над тем, как и что получится, берет рюкзак и садится на поезд. Трех таких путешественников из Москвы, сбежавших без ведома родителей в Тянь-Шаньские горы, пришлось под надзором отправлять обратно. Один малец в своей сумке вез карту с намеченным маршрутом, заканчивающимся ни более, ни менее, как... в Индии.

Очень трудная работа у Валентины Григорьевны Сайченко, у ее мужа — Николая Михайловича, самого опытного воспитателя ДПР Ксении Ивановны Шаль и их коллег. Бесконечное разнообразие ребячьих характеров, интересов, наклонностей, судеб. Бесшабашность и недисциплиниро-

ванность, привитые долгими скитаниями и безнадзорностью. А кроме того, среди десятков подростков нет-нет да и попадется действительно дерзкий и злостный нарушитель. С такими нужна особая тактика, и прежде всего необходимо предотвратить их дурное влияние на остальных.

Сейчас в ДПР затишье. Несколько девочек и мальчиков трудятся в саду и на огороде, другие помогают на кухне. Святое правило здесь — никого не оставлять без дела. Труднее со школьными занятиями. Дети эти разных возрастов, из разных классов. Тем не менее ежедневно воспитатель дает каждому задание по силам: прочитать главу из учебника, написать упражнение, повторить забытые правила. Есть неплохая библиотека, и некоторых ребят не оторвешь от книг. Вечером — телевизор, строго по расписанию, под контролем воспитателя. Ни на минуту ребенок не остается без пристального внимания старших.

Когда оборванного, неделями немытого мальчишку, ночевавшего где-нибудь на чердаке или в подвале, приводят в первый раз в приемник, моют в бане, переодевают, предоставляют ему чистую постель, а главное — хочешь не хочешь — подчиняют четкому режиму, все это становится началом перерождения.

Детский приемник-распределитель — лишь одно звено в сложной системе перевоспитания трудных подростков. Звено очень важное, ведь именно отсюда, с перекрестка трудных дорог, мальчики и девочки начинают свой путь к нравственному выздоровлению.

ПОКУДА МОЛОД СТВОЛ

(Страницы из жизни несовершеннолетнего правонарушителя)

Ребенка воспитай, пока он глуп и мал,
Чтоб благородным он, чтоб он разумным стал.
Покуда молод ствол, пока лишь зреет плод,
Ствол можно так растить, как хочет садовод.

(Восточный мудрец Абу Шукур)

Кто не обучит сына, тот
Содеет тяжкий грех.
Сын многим горе принесет,
Себе же больше всех.

(Поэт Востока Руми)

І. По Валиным следам

Выписка из свидетельства о рождении
от 15 сентября 1961 г.

Отец — прочерк

Мать — Коновалова Зинаида Александровна

Фамилия — Коновалов

Имя — Валентин

Отчество — Александрович (по деду)

Выписка из решения народного суда
от 18 декабря 1978 г.

Именем Киргизской Советской Социалистической Республики...

...Народный суд в составе..., рассмотрев дело по обвинению Коновалова Валентина Александровича в преступлении, предусмотренном ст. 145 ч. II Уголовного кодекса Киргизской ССР...

Приговорил: Коновалова Валентина Александровича... к 4 годам лишения свободы в колонии общего режима...

Между этими двумя датами прошла жизнь Вальки Коновалова, он же Конь, мальчишки с одного из переулков, что за инфекционной больницей города Фрунзе. На давней фотографии, которая сейчас лежит передо мной, четверо подростков. Крайний справа — Валька. Он высок, хорошо сложен, длинная челка закрывает весь лоб, опускаясь почти до глаз. Равнодушный, чуть высокомерный взгляд, небрежно расстегнутая модная куртка, подчеркнуто независимая поза. «Он у нас форсявый», — говорила про него бабушка.

Рядом с ним парень повзрослее, шляпа с укороченными полями лихо сдвинута до бровей, наглые глаза. Это Алешка Григоренко, кровный друг и идейный вдохновитель.

Вот уже несколько месяцев я иду по следам Коновалова, эпизод за эпизодом восстанавливая историю этой нелено сложившейся жизни. О нем рассказывают учителя, сотрудники милиции, работники завода, бабушка, следователь, адвокат, воспитатель и директор спецИТУ, сотрудники воспитательно-трудовой колонии.

Наконец произошла встреча с ним самим. Наголо остриженный, в грубой рабочей одежде, он мало походил на того фасонистого парня с фотографии. Он показался мне довольно обыкновенным юношей, в облике которого странно перемешались ранняя житейская опытность и что-то еще дет-

ское. Руки в тюремных наколках. Этими самыми руками он не так давно жестоко избивал и грабил. После перешептливой ребячьей улыбки вдруг мелькнуло что-то угрюмое, затаенное...

Чего он ждет от жизни? К чему стремится? Почему за свои семнадцать лет успел натворить столько непоправимых ошибок? Кто виноват в том, что вовремя не удержал мальчишку от неверного шага?

Исчерпывающе ответить на все вопросы трудно. Но все же попробуем перелистать скорбные страницы биографии «Коня», осужденного несовершеннолетнего правонарушителя Валентина Коновалова, познакомиться с людьми, его окружавшими и пытавшимися его воспитать.

II. Сын мистера Икса

В палате родильного дома эта женщина резко отличалась от остальных. Кругом молодые матери только и говорили о своих детях, дожидаться не могли, когда их принесут кормить. Зинаида лежала безучастная, вялая, равнодушно глядя в потолок. Даже когда приносили сына, не оживлялась, досадливо морщилась, пока малыш неумело хватал губами грудь. Он был ей не нужен. Его отец ушел из дома перед родами, как говорится, по-английски, не простясь.

Вот тут-то, в сущности, была предрешена Валькина будущность. Прочерк в метрике лишил его отца. Для матери он оказался досадной обузой.

Но не будем безоговорочно осуждать ее. Еще в детстве, задолго до того, как появился малыш, она стала инвалидом. Ей с трудом давалось учение, после 5 класса врачи не разрешили продолжить занятия в школе. А тут ребенок...

Чем ближе подходил день выписки из роддома, тем сумрачнее становился взгляд Зинаиды. Не спать ночами, взять на себя заботу об этом крохотном беспомощном существе — под силу ли ей, больной?

Ребенка взяла бабушка. И стала она Вале отцом и матерью, кормилицей и воспитательницей, не жалела ни сил, ни средств, ни душевной энергии, чтобы вырастить из него достойного человека.

Признаться, когда я впервые поднимался по лестнице нового дома на четвертый этаж, чтобы встретиться с Елизаветой Ивановной Коноваловой, было несколько не по себе. Легко ли старой женщине ворошить старое, возвращаться мыслями к безрадостным дням Валиного детства?

Стучусь. Тревожный вопрос из-за двери: «Кто там?» — Елизавета Ивановна, я по поводу вашего внука, Вали Коновалова.

Дверь распахивается. Так и есть, напугал!

С порога Елизавета Ивановна дрожащим голосом спрашивает:

— Что случилось с Вале́й?

Пока я стараюсь успокоить ее, объясняя, зачем пришел, она бессильно опускается на стул, с трудом сдерживая слезы. Только минут десять спустя приходит, наконец, в себя и начинает рассказывать.

Почти совсем седая, с добрым, но измученным лицом много испытавшей за свою жизнь женщины, она кажется старше своих шестидесяти пяти. В сороковом году потеряла мужа, осталась одна с больной дочкой. Приехала из Сибири в Киргизию, стала работать на заводе.

Нет, не обузой стал для нее мальчик, которого она прямо из роддома привезла домой. С дочерью не повезло, и весь нерастраченный запас материнской нежности Елизавета Ивановна отдала внуку. Рос он здоровым, красивым. Среди сверстников выделялся ростом, энергией. Только иногда затихал, становился неразговорчивым. Спрашивал: «А почему у меня нет папы?».

Мать Валя видел редко. Она вскоре вышла замуж и опять неудачно, хотя на этот раз зарегистрировалась. Новый муж пил запоем. По утрам, со злого похмелья, поколачивал жену, а потом, смягчившись, подносил и ей стаканчик в знак примирения. Поэтому бабушка не любила отпускать внука к матери. Да и та не стремилась видеть сына. Более того, даже денег на сына не давала, ссылаясь на то, что родился еще ребенок. Старуха прокормит!

И бабушка кормила, одевала малыша, воспитывая его в меру своих сил и разума. Но она не могла ничего ответить ему насчет папы. И не могла уберечь мальчика от скорбного сознания, что у него почему-то не все так, как у соседских ребят; обделен родительской заботой. Где-то в глубинах подсознания Вали откладывалась по крупицам горькая обида.

Переулочек, где жили тогда бабушка с внуком (квартиру в новом доме Елизавета Ивановна получила в прошлом году), пользовался дурной славой. Здесь словно на подбор собрались самые что ни на есть «отпетые» ребята. То забьют камнями кошку или собаку, то учинят драку с мальчишками с соседней улицы. Уберечь внука от влияния улицы у Елизаветы Ивановны не было сил. В девять лет он

узнал вкус первой папиросы, в десять — друзья заставили попробовать самогонку...

Я до сих пор не касался одного из главных действующих лиц драмы — Валиного отца. Эта загадочная личность, подобно подпоручику Кижэ из повести Тынянова, «фигуры не имеет». Неизвестно даже как его называть. В затуманенном сознании Зинаиды стерлись имя и фамилия этого «рокового» мужчины. Исчез он заблаговременно, не дожидаясь появления ребенка, и с тех пор никаких сведений о нем нет.

— Бабушку я люблю, а мать ненавижу, — недавно сказал Валентин. Об отце он не упомянул вовсе. Для него этого человека не было.

Трудно подобрать слова, точно характеризующие нравственный облик папочки-беглеца. Каким негодяем нужно быть, чтобы обмануть доверие больной женщины, а потом трусливо убежать, заметая следы?

Вполне может случиться, что сейчас этот мистер Икс живет где-то припеваючи. Пусть хоть бы раз приснился ему семнадцатилетний остриженный наголо сын в одежде воспитанника колонии, с лицом угрюмым и жестким и потребовал ответа. Так ведь нет, не приснится.

В истории Валентина Коновалова все начинается с черка в метрике. Первым в списке лиц, причастных к его преступлению, должен быть занесен отец.

III. Судный день

В тот давний декабрьский день звонок в школе прозвучал в необычное время. Всех созывали в актовый зал. Ребята шли по коридорам стайками, оживленно переговариваясь.

— Вальку будут в тюрьму отправлять!

— А что он, убил кого?

— Не, не убил. Ограбил, наверное.

— У-у, как ему не страшно?

— Да и не ограбил вовсе, а подрался.

— За драку не сажают!

Скоро в зале было некуда присесть. Школьники притихли, увидев на сцене длинный стол, за ним несколько незнакомых взрослых. Сбоку стояла скамейка, обычная школьная скамейка. Но оттого, что она стояла особняком, а еще потому, что неподалеку виднелись два милиционера в форме, становилось как-то не по себе. Когда в проходе появился Валька «Конь», бледный, нахмуренный, шагающий как

автомат на своих длинных ногах, по залу прокатился шепот.

В одном из первых рядов молодая учительница старалась поймать Валькин взгляд. Он прошел, не замечая ни ее, ни кого-либо вообще вокруг и сел на ту самую особенную скамейку.

— Выездное заседание комиссии по делам несовершеннолетних объявляю открытым...

Покинем пока школьный актовый зал и попробуем восстановить события, предшествовавшие этому очень печальному в жизни Валентина Коновалова дню.

Бабушка не без грусти проводила первый раз внука в школу. Трудно было себе представить, что ее ненаглядный Валя попадет в чьи-то чужие — и добрые ли? — руки. Сам мальчик держался неуверенно. В своем переулке, среди знакомых пацанов, он чувствовал себя своим. Здесь же начинался другой, пока непонятный мир.

«...Человек, особенно юный, испытывает массу неформальных влияний, вступает во множество неформальных связей. Поэтому бывает, что неблагоприятная обстановка в семье может быть нейтрализована сторонними положительными влияниями. И, наоборот, родителей не всегда можно обвинить в том, что они, мол, воспитали «трудного» подростка. Не «трудного» подростка они воспитали — сына своего или дочь воспитывали, как умели. Но отрицательные сторонние влияния оказались сильнее того хорошего, что было в семье. Мне хотелось сказать это для того, чтобы при решении сложной проблемы люди не настраивались сразу на безапелляционное обвинение семьи, либо школы, либо производства, либо улицы. Не так все просто...»

Эти слова, сказанные человеком, хорошо знающим проблему детской преступности, доктором юридических наук И. И. Карпецом¹, можно полностью применить к истории Коновалова. На его жизненном пути встречались люди самые разные: добрые и суровые, хулиганы и прекрасные педагоги, душевные, по-матерински относившиеся к нему женщины и равнодушные формалисты. Было бы неверным отнести все его беды только за счет семьи, или только школы, или только спецПТУ, или только завода — везде он успел побывать за свои семнадцать лет. На каждом этапе Валиной жизни появлялись свои «ангелы» и свои «демоны», тянувшие грешную Валину душу в разные стороны.

¹ «Комсомольская правда», 26 марта, 1979 г.

Просчеты в воспитании накапливались исподволь, незаметно, пока не дошли до опасной черты, за которой — преступление.

Поэтому не будем спешить с выводами, постараемся шаг за шагом проследить судьбу нашего героя.

Слово Степану Степановичу К., в прошлом директору школы, где учился Коновалов.

— Валя Коновалов? Как же, как же, хорошо помню. Ох, и намучились же мы с ним! Мальчик оказался очень трудным. Вы знаете насколько сложно, а порой невозможно исправлять ошибки воспитания, допущенные в семье. Бывает, получается парадокс: мы в школе замечаем неблагополучие у ребенка раньше, чем его родители, и хотим общими усилиями исправить положение. Но родители, как ни странно, не всегда идут нам навстречу. «Наш Петенька, да чтобы избил малыша? Не может быть этого!» Петенька же этот вымахал выше отца и в грош его не ставит.

Так получилось и с Коноваловым. Во многом была виновата бабушка. Знаете, как бывает — для бабушки ее внучек всегда хорош. С первых же классов, когда Валя набедокурит, она защищала его, выгораживала.

С третьего класса стал он дружить с лодырями и хулиганами, курить. Это в девять лет! С пятого класса начал пропускать занятия. Бывало, придет в школу с утра, часа два побудет и уйдет без разрешения. Потом стал пропадать надолго. Ищем его по всем закоулкам, с ног сбившись. Попробуй его, найди! Дня через три явится как ни в чем не бывало, даже чистенький, бабушка ему все постирает и отгладит. Очень трогательная бабушка... Сколько вреда она ему причинила! Денег давала слишком много. Такому парню деньги — отравы. И чем больше их, тем больше хочется. Будучи в пятом классе, в одиннадцать лет, Коновалов стал обирать малышей. Дадут мальчишке на завтрак 30—40 копеек, так Коновалов в туалете, где нет постороннего глаза, отнимет. Его боялись, а ему, как видно, это нравилось.

Понемногу бабушка начала понимать, что дела у Вальки плохи. Дошло до того, что он, требуя денег, стал и на нее замахиваться. Тут уж она не выдержала, стала часто приходить в школу, советоваться с педагогами, как быть дальше. Да поздно спохватилась, к этому времени он ее уже совершенно не признавал.

Не поддавался мальчик воспитанию и в школе. Вызываем его, например, на педагогический совет. Убеждаем, требуем. Он стоит молча, неподвижно, смотрит мрачно, как звереныш. В лучшем случае скажет: «Я больше не буду» —

просто, чтобы отвязались. Таких вызовов в кабинет директора, на педсовет, на родительский комитет было немало. Действовали они ненадолго.

Так бились мы, бились и пришли к убеждению, что Коновалов неисправим. Встал вопрос о направлении его в спецПТУ.

Степан Степанович кряжист, крепко скроен, у него тяжелый, испытующий взгляд, от которого, наверное, душа в пятки уходит у ученика. Суждения его категоричны. Можно себе представить, каким тоном он разговаривал с Валей, и как тот ощетинивался в ответ на директорские наставления.

По правде говоря, не все в его словах представляется убедительным. Прав ли он, возлагая всю ответственность на плечи бабушки?

Разыскиваю Ольгу Дмитриевну Х., преподавательницу французского языка и Валину классную руководительницу, о которой Елизавета Ивановна не раз с благодарностью упоминала в разговоре. Она молода, живая и веселая, говорит быстро-быстро, увлекаясь и жестикулируя. Начинает рассказывать о Коновалове и уже вырисовывается другой облик того же мальчишки.

— Беда Вали в том, что он очень слабоволен, легко поддается чужому влиянию. Что-то такое особое отличало его от других. Бывало, сидит за партой на уроке, опустит голову на руки и будто отключается от всего на свете, думает, думает. О чем — неизвестно. Часто бывало подавленное настроение. Жаль его становилось.

Видимо, он остро ощущал свою ущербность. Конечно, в таком возрасте трудно примириться с тем, что у других ребят нормальные семьи, а у него ни отца, ни матери — нельзя же считать матерью несчастную больную женщину, да и той не было с ним рядом. Замечал, что одет хуже других. Средств у бабушки маловато, ходил он во всем чистом, выглаженном, но поношенном. А у соседей по парте — новенькие костюмчики. Жили они в небольшом старом домике, где было чисто, но очень тесно и довольно убого, и он понимал, как непохоже это на квартиры большинства ребят. Кроме того, он был постоянно голоден. Деньги, что давала бабушка на завтрак, тратил на курево, и накурившись, с завистью смотрел как едят товарищи.

Так и рос замкнувшимся, озлобленным. Очень мне хотелось хоть чем-то заинтересовать его, пробить эту скорлупу замкнутости. Увлёкся как будто электрогитарой, стал выступать со школьным оркестром. Я было успокоилась. Но

через два месяца Валя перестал ходить на репетиции. Потом удалось уговорить его записаться в кружок физики. Вроде бы заинтересовался, оживился. И этого увлечения хватило ненадолго.

Большое участие приняли в Валиной судьбе члены родительского комитета. Всем было жалко мальчишку — безотцовщина! Одна мама принесла ему почти новые курточку и брюки своего сына, который из них вырос. Задумались мы — мальчик гордый — возьмет ли? Решили сказать, что нам выделены специальные средства от государства для помощи ученикам. Взял все-таки, поблагодарил.

Стараемся, стараемся, а ведет он себя все хуже, сбегает с уроков, обижает малышей. Когда беседуешь с ним, со всем соглашается, кивает головой, но достаточно ему выйти из школы, встретить приятелей — и все по-старому.

Я убеждена, что для таких подростков очень нужен старший друг — взрослый мужчина. Как бы он ни уважал женщину — она для него не авторитет. Нашелся среди родителей такой человек, сумевший стать для Вали настоящим наставником, заботливым другом. Немолодой уже, бывший военный, серьезный и добрый. Очень много времени проводил он с Коноваловым. О чем они с ним толковали, чем занимались не знаю. Только Валя начал на глазах меняться, перестал сбегать с уроков, уже не курил, не дрался.

Жаль, недолго это продолжалось. Уехал его шеф, подполковник, другого такого не удалось найти. Все началось сызнова.

Что же делать? Мальчик на глазах пропадает. Бабушку уже ни во что не ставит, нас, педагогов, не слушается. Может быть, разумнее отправить его в интернат? Там твердый режим, дети под постоянным наблюдением, меньше возможностей для опасных контактов.

На заседание родительского комитета пригласили бабушку и мать — без их согласия такой вопрос решить нельзя. Мать не возражала, ей, в сущности, была безразлична судьба сына. Запротестовала бабушка. Понять ее можно — Валя для нее единственный свет в окошке.

Прошел еще год и бабушке самой пришлось подать заявление с просьбой отправить мальчика в спецПТУ. Поздно признала она свое бессилие...

Итак, по мнению бывшего директора школы это безнадежно испорченный мальчишка, законченный хулиган, не поддающийся педагогическому воздействию. Классная руководительница, знавшая его ближе, склонна думать, что это скорее несчастный мальчик, травмированный тем, что

все у него не как у людей, даже отчество по деду. Безнадежным его считать нельзя.

Не безнадежным он был и как учащийся. Мог бы учиться не хуже многих, если бы не прогуливал и не ленился.

Степан Степанович склонен считать главной виновницей всех бед бабушку. Ольга Дмитриевна не столь категорична, хотя и не отрицает ее ошибки. В позиции бывшего директора не так уж трудно разглядеть желание отстоять честь школы, которая будто бы предпринимала все возможное и невозможное, дабы спасти мальчика. Почему же тогда Ольгу Дмитриевну до сих пор помнит Валька, а об остальных педагогах и вспоминать не хочет? Так ли уж внимательны и доброжелательны оказались остальные учителя, не захотевшие или не сумевшие найти подход к трудному подростку?

В лице этих двух, столь различных по характеру людей, можно разглядеть представителей двух типов педагогов. Для одного важнее всего соблюсти раз и навсегда установленный порядок, не допускать отклонений от него, добиться высоких цифровых показателей по успеваемости и поведению. Что для него один испорченный мальчишка — выпрыгнуть такого прочь, и никаких забот. Для другого не безразличен ни один из детей и подростков, для сердца дорог каждый, хороший он или плохой.

...Сильнее школы и бабушки оказалась Улица. Улица... Многоликое это понятие. Сюда можно отнести и невинные мальчишеские игры в войну или в лягу. И футбол или хоккей где-нибудь на пустыре. Валькина улица была другая. Там дрались, по-страшному, с остервенением. Там издевались и куражились над слабым, ценили жестокую и наглую силу. Там считалось особым шиком ловко стащить сохнувшее белье с веревки или забраться в погреб. Там надо было подчиняться особым жестоким законам уличного товарищества.

Никто не знает подробностей того, чем именно занимался Валя Коновалов, когда целыми вечерами, а то и по нескольку суток подряд пропадал неведомо где. Некоторое представление о том, с кем и как проходили его дни, могут дать краткие портреты двух его ближайших друзей.

Алешка Григоренко, тот самый, что стоит рядом с Валентином на фотографии. Старше его на два года, учившийся в той же школе, он был первым его «наставником». Наглый и циничный, непобедимый в драках, исповедующий одну заповедь — право сильного, он легко подчинил себе не-

устойчивого слабовольного Вальку. Тем более, что рядом с таким другом Валька получал возможность наконец-то реализовать ту злобу, что скапливалась в нем от сознания собственной ущемленности.

У родителей Саньки Демкина, давнего приятеля Коновалова, был свой домик, свой виноградник и постоянно свое самодельное вино в подвале. Вино в этом доме не сходило со стола, и отец и мать редко бывали трезвыми. Наливали и сынку, и его другу. Бабушка решительно запрещаала внуку заходить в этот приветливый с виду домик. Да разве уследишь за мальчишкой!

Так вот и рос Валя в сложном переплете взаимоисключающих влияний.

Елизавета Ивановна: «Бабушка у тебя не пьет, не курит, желает тебе только хорошего. Учись, не связывайся ты с плохими ребятами, больше мне от тебя ничего не надо».

Ольга Дмитриевна: «Вот ты вырастешь, женишься, дети пойдут. Ну подумай, какой ты им отец будешь; чему научишь?»

Санька Демкин: «Зайдем, выпьем, а потом побалдеем».

Директор: «Смотри, Коновалов, доиграешься, попадешь за решетку».

Подполковник: «Ты — будущий солдат. Если очень захочешь — можешь стать в будущем офицером. Все зависит только от тебя».

Алешка Григоренко: «Где хочешь, достань три рубля. Не принесешь — худо будет».

Лейтенант милиции: «Берись за ум, пока не поздно. Мы тебе поможем. Не возмешься — пеняй на себя».

Лейтенанта милиции Коновалов не боялся.

Лейтенант милиции — представитель Закона, но суровость и неотвратимость этого Закона все еще не доходила до сознания мальчишки. Когда ему внушали, что рано или поздно придется отвечать за свои поступки, он пропускал это мимо ушей. Какая там ответственность, когда ему и его друзьям-товарищам постоянно все сходит с рук.

Вызов на комиссию по делам несовершеннолетних грянул как гром среди ясного неба. Не думал он, что даже бабушка «предаст» его, сама подав заявление с просьбой отправить его в спецПТУ. А у нее другого выхода уже не было. К этому страшному для нее решению, она пришла, когда внук решительно потребовал денег, а получив отказ, ударил ее. Хуже уж некуда... Дирекция школы и детская комната милиции поддержали ее просьбу...

...Итак, Валентин деревянными пегнувшимися ногами прошагал на свою одинокую скамейку. Заседание комиссии началось.

Нет надобности пересказывать ход этого, первого в жизни Валентина Коновалова, государственного разбирательства. Речь шла о знакомых нам уже обстоятельствах. Члены комиссии выслушали директора школы, инспектора милиции, бабушку, самого мальчика. Он, как водится, клялся, что больше не будет.

Нельзя не признать, что комиссия подошла к делу с достаточной объективностью. Перед ней стоял подросток социально опасный, подающий дурной пример другим ученикам. Было логически необходимо изолировать общество от него и — что еще важнее — изъять его из привычной среды, отсесть влияние улицы и приступить к его перевоспитанию.

А Валька все еще надеялся. Хоть и страшно и стыдно ему было так вот стоять перед всеми ребятами будто раздетый и ждать решения своей участи, а все же думалось — авось простят? Когда зачитали постановление и милиционеры подошли, чтобы отвести в машину с зарешеченными окнами, дрогнул, оглянулся на зал, увидел слезы в глазах Ольги Дмитриевны и отвернулся.

«Я почувствовала, что он считает меня предательницей, думает, будто я виновата», — рассказывала она потом. А ведь никто не отдавал ему столько сердечного внимания, как эта молодая женщина.

Решение комиссии подводило черту под первым периодом жизни Валентина Коновалова.

IV. Зигзаг судьбы

Дорога к спецПТУ лежит через луга и поля. Места здесь привольные, зеленые, кругом тишина. Трехэтажное здание училища видно издалека.

Сюда поступают мальчишки от четырнадцати до шестнадцати лет, своим поведением внушающие опасение за их будущее. Для этого не обязательно совершить какой-нибудь серьезный противоправный поступок, достаточно стать потенциально опасным, оказаться на грани, отделяющей обычных ребят от несовершеннолетних правонарушителей.

Задача этого специального учебного заведения — дать мальчикам образование, по крайней мере восьмилетнее, обучить их специальности, привить навыки жизни в кол-

лективе, выработать своего рода нравственный иммунитет, препятствующий отрицательному влиянию извне.

В решении комиссии по делам несовершеннолетних о направлении в спецПТУ срок не указывается. Мальчик должен находиться там до исправления. То есть при выходе из училища должна быть уверенность в том, что выпускник подготовлен для нормальной жизни и не повторит прежних ошибок. Определяет момент выхода дирекция училища и районная комиссия по делам несовершеннолетних.

Я побывал в училище уже много позже того, как оттуда Вальку отправили уже не домой, а в тюрьму. Хотелось представить себе реальную обстановку, в которой рос и формировался как человек Коновалов.

Просторные, хорошо оборудованные кабинеты для занятий, аккуратно прибранные спальни, везде чистота и порядок. К основному зданию примыкают мастерские, где воспитанники получают профессиональную подготовку. Здесь готовят строителей, столяров, штукатуров, отделочников.

Режим дня построен так, что не оставляет «зазоров». В 7 часов утра подъем, потом, разумеется, зарядка, завтрак и с 8. 30 занятия в школе. После обеда мальчики переходят в мастерские и поступают под начало мастеров производственного обучения. В 7 часов ужин, потом до отбоя воспитательные часы.

У ребят, таким образом, три основных этапа дня и на каждом таком этапе сменяются руководители: с утра это педагоги, после обеда — мастера, с вечера до утра — воспитатели. Весь уклад спецПТУ рассчитан прежде всего на то, чтобы привить своим питомцам трудолюбие, приохотить их к учению, не оставлять свободного времени для бессмысленного времяпровождения, приучить к дисциплине.

Когда Валентин Коновалов впервые прибыл в училище, он представлял собой достаточно крепкий орешек. Он рос до сих пор как трава в поле, ни о чем не задумываясь, не ощущая ответственности за свои поступки. Теперь — совсем другое дело: за каждым шагом твоим наблюдают, хочешь не хочешь — надо трудиться за партой, за верстаком, мыть полы и чистить одежду. И не бабушкиной едой питаться, а самому в дежурство и картошку почистить, и лук порезать, и посуду помыть, да не как-нибудь, а дочиста.

Переход от вольной бездумной жизни к точно регламентированному распорядку дня происходил болезненно. У парня совершенно не было привычки к труду — ни семья, ни школа не сумели ее привить. Он был, если можно так

выразиться, принципиальным бездельником, совершенно не задумывался над тем, каким трудом достается каждый кусок хлеба, каждая обновка, купленная бабушкой. А умел только одно: требовать. Если первые годы в школе он еще как-то работал над учебниками, то уже класса с пятого почти к ним не прикасался. Подмести пол дома, прибрать за собой, вымыть посуду ему и в голову не приходило, все лежало на бабушке.

Теперь же неумолимый звонок поднимал его с постели и призывал к работе, к ненавистой работе, заполнявшей почти весь день. Не встанешь вовремя — получишь взыскание, начнешь отлынивать от работы — тоже по головке не погладят, не приготовишь уроки — учитель заставит заниматься. И нет отдушины, не сбежишь на улицу к друзьям...

Вале было трудно подчиняться. Его нервная легкоранимая натура остро воспринимала каждое резкое слово, он огрызался, дерзил. Все педагоги и воспитатели, вспоминая о его первых шагах в училище, прежде всего отмечают его леность, его дикие выходки: забежал, например, как-то в спортивный зал и оборвал там все шторы с окон. Почему? А, может быть, со злости?

Пытался бежать. Но далеко не ушел, задержали в ближайшем селе.

И все же, как говорится, капля долбит камень. Неотвратимость режима, последовательность и неуклонность требований постепенно влияли на подростка. Не стал он образцовым учеником, тянул на тройки, да ведь для него и тройка была прежде недостижимой. Со скрипом выполнял свои обязанности по уборке помещения. Стал осваивать специальность столяра. Вот тут ему повезло. Коновалов попал к мастеру производственного обучения Владимиру Трофимовичу Дубовику.

Обстоятельства сложились так, что из всех людей, так или иначе связанных с судьбой Валентина, моя встреча с Дубовиком была последней. Я уже знал из рассказа других о роли мастера в воспитании Коновалова.

Первое, что бросилось в глаза при встрече — непоколебимое спокойствие Владимира Трофимовича, его добрый и внимательный взгляд.

Есть особый тип людей: внешне он ничем не примечателен, разговаривает негромко, о себе рассказывать не любит. Но достаточно вам взглянуть на него, услышать интонации его голоса, чтобы ощутить неброское обаяние этого характера. От них исходит ощущение надежности, твердости, доброжелательности. Вначале немного скованный, он

быстро разговорился, увлекшись кровно близкой ему темой. Пока он рассказывал, я все отчетливее представлял себе жизнь Коновалова в училище.

Ему попадало частенько от учителей и воспитателей — и было за что. Он ершился, огрызался, порой дерзил старшим. Но достаточно было переступить порог мастерской, вдохнуть запах свежей стружки, чтобы оказаться в атмосфере ненавязчивого доброжелательства. Нельзя сказать, чтобы мастер потакал своим ученикам, все им спускал. Он был требователен. Только требуя, всегда оставался невозмутимым, ровным, не повышал голоса.

— Нервы у меня железные, — посмеиваясь, рассказывал он. — Могу тысячу раз повторить, пока мальчишка не поймет и не сделает так, как надо. Да с ними иначе и нельзя. Жалко ведь их, очень мало хорошего они в жизни видели. Сделать все, чтобы они стали людьми — это, прежде всего, мой долг, как мастера, а кроме того хочется просто по-человечески, по-отцовски подойти к ним, помочь. Всякое внимание к этим ребятам дает отдачу.

Если я скажу: «Валя, походи принеси, пожалуйста, воды, я пить хочу», — он тут же побежит и принесет. А если закричу: «Эй, Валька, бери ведро и бегом за водой, чтоб быстро, одна нога здесь, другая там», — он если и пойдет, то огрызнется. К ним нужен подход.

Владимир Трофимович не только преподавал столярное дело в установленные часы. Он любил собрать своих подопечных и отправиться с ними в горы или на рыбалку. И тут, у костра, рассказывал им истории из собственной жизни, вспоминал годы службы в армии, поездки по стране. Вслед за ним ребята начинали свои байки, где правда перемешивалась с вымыслом. Тут, у костра, рождалось драгоценное чувство общности, почти семьи, где все благожелательны друг к другу. Они забывали обо всем и жили только этим.

Вот чего не хватало до сих пор Вальке Коновалову! Для него, в сущности, с детства лишнего родительской ласки, особенно целителен был этот дух товарищества, отцовской заботы и взаимного внимания.

И все же он молчал. В то время, как другие с увлечением припоминали и придумывали истории, одна другой необыкновеннее, он думал о чем-то своем. Оттаивал он медленно.

Полтора года провел Коновалов в спецПТУ. Закончил 8 классов, сдал экзамены на второй разряд столяра. Училище дало ему навыки организованной жизни, приучило к

дисциплине. Ему исполнилось 16 лет. Настало время решать его дальнейшую судьбу.

Тут встает один сложный вопрос. Как определить тот момент, когда наступает нравственная зрелость и подросток готов к самостоятельной жизни за воротами училища? Задача эта отнюдь не математическая. Только опыт, только глубокое знание психологии подростков и интуиция, особая прозорливость педагогов могут подсказать правильное решение.

Из педагогической характеристики
В. Коновалова перед выпуском

«За время пребывания в спецПТУ Коновалов показал себя с положительной стороны. В общеобразовательной школе учился вполне удовлетворительно... В учебных мастерских с заданиями справляется... Внешний вид опрятен...»

Как видите, все выглядело благополучно. Не дрогнула рука у директора, когда он подписывал документы, дававшие Вале право на самостоятельную жизнь. Члены районной комиссии по делам несовершеннолетних, не задумываясь, согласились с руководством училища.

Готов ли он был на самом деле к выпуску? Выработался ли в нем иммунитет ко злу?

Ответ на эти вопросы должна была дать сама жизнь.

V. Ошибка за ошибкой

Светлым июньским утром, без десяти восемь, у проходной одного из заводов появился долговязый подросток со стриженными, еще не успевшими отрасти волосами. Неуверенным жестом он протянул пропуск с фотографией, и вахтер, внимательно взглянув на хмурое лицо паренька, пропустил его.

Валентин Коновалов вступал в самостоятельную жизнь.

Впервые он приобщался к настоящему, взрослому, а не к учебному труду.

Все было здесь незнакомым и немного пугающим. Звучание мелко вибрировало от хода мощных машин, каждое сказанное слово гулко отдавалось под высоченными сводами цехов, рабочие казались суровыми и неразговорчивыми. Здесь делали Дело, о котором Валька до сегодняшнего дня имел весьма туманное представление.

Был он несколько растерян и, как можно предположить, преисполнен добрых намерений — все же полтора года в спецПТУ не прошли бесследно.

Как имеющего специальность столяра второго разряда, Коновалова определили в ОКС — отдел капитального строительства. Собственно, строительством там занимаются мало, основная работа — ремонт цеховых помещений. Работают небольшими группами, разбросанными по всей обширной территории завода.

Не так, не так все должно было начинаться для Вальки. Мальчишке бы в цех, к станку, где рядом товарищи, где вся твоя работа и твое поведение на виду. Вместо того, чтобы работать по полученной в спецПТУ специальности столяра, получит он с утра наряд и с двумя-тремя рабочими отправляется куда-нибудь в дальний цех. И поручают ему пустяки: поднести кирпичи, принести ведро с раствором. Одно слово — подсобник.

Так, не слишком задумываясь о последствиях, совершили на заводе серьезную ошибку, словно специально создав для подростка вольготную жизнь. И, что особенно важно, не заинтересовав его профессией. Подсобник — разве это профессия? К чему тут стремиться? Скучно быть на побегушках. С этого все и началось. После нудного для него отбывания шестичасового рабочего дня — возникла потребность заняться чем-то совсем иным. Чем же?

«Запаса прочности», приобретенного в спецПТУ, хватило ненадолго. К тому же вернулся-то подросток все в тот же переулочек, где оставались его старые приятели.

Месяца два парень еще держался, приходил вовремя на работу, исправно исполнял все поручения. Потом пропал на три дня. На четвертый явился, как ни в чем не бывало, объяснил, будто гулял на свадьбе у друга. Через неделю, никого не спросив, ушел после обеда. И пошло, и пошло. Два дня работает, день пьет и гуляет. А то с похмелья заснет среди бела дня где-нибудь в укромном уголке в цеху и не добудиться.

О Николае Николаевиче М. все отзываются как о хорошем, в высшей степени добросовестном бригадире. О Коновалове он вспоминает с неохотой, как о нерадивом рабочем, от которого не знаешь как избавиться.

— Поговоришь с ним, скажешь: «Не пей, Валя, ничего хорошего из этого не получится». Он только головой кивает, будто соглашается. А потом все сначала. На заводе, правда, не пил, а что он делал по вечерам, кто его знает. Я ему не отец.

— Николай Николаевич, а как вы сами воспитываете своих детей?

Бригадир даже несколько обижен,

— Воспитываю так, что перед людьми не стыдно. Уж с ними на производстве никому не приходится мучиться.

Вот так. Усталые глаза у бригадира, заметно, как замотался он за трудный рабочий день, и не до разговоров ему об испорченном мальчишке, мелькнувшем ненадолго в бригаде.

Кроме бригадира еще несколько человек на заводе были связаны с судьбой Коновалова.

Когда Александра Ивановна, инженер отдела кадров, узнала, что Валентин совершил тяжкое преступление, она ахнула.

— Да вы что!

И рассказала, как безрезультатно пробовали втянуть его в спортивную секцию, в кружок художественной самодеятельности, предлагали записаться в библиотеку, учиться в вечерней школе — ничего его не привлекало. Беседовали, внушали, втолковывали, убеждали.

Нравоучения, нравоучения... К этому времени Валька столько их послушался, что выработал своего рода защитную реакцию: согласно кивал головой, слушал вполуха, охотно давал обещания, отлично зная, что их не выполнит.

Рассказывая обо всем этом, Александра Ивановна явно переживала, чувствуя и свою ответственность за случившееся. Но ничто не дрогнуло в лице секретаря заводского комитета комсомола Людэ Фесик, когда она узнала (впервые от меня!) о преступлении Коновалова. Если большинство действующих лиц этой грустной истории названы вымышленными именами, то в данном случае ее имя и фамилия — подлинные. Потому что ни один из работников завода не проявил столь удивительного безразличия, как эта симпатичная, приятно улыбающаяся девушка. Она обстоятельно рассказывала о совете подростков, об интересных экскурсиях, о спортивной работе, о том, что подавляющее большинство молодежи хорошо работает, учится в вечерних школах. Все верно. Ну, а какую конкретно вели работу с этим злосчастным меньшинством, с Валькой Коноваловым и ему подобными?

— Мы обсуждали его на комитете комсомола...

Об этом самом заседании инспектор Детской комнаты (теперь инспекции) милиции Нина Викторовна Никифорова не может говорить без возмущения.

— Мне было стыдно за комсомольцев! Вместо серьезного разговора по душам получилась пустая говорильня. Члены комитета отнеслись к такому важному делу легко-

мысленно, со смешками, будто речь шла о пустяках, а не о судьбе человека.

Нельзя не поражаться тому, с какой безмятежностью комсомольцы наблюдали, как стремительно катится вниз их ровесник, как быстро признали они себя бессильными помочь Вальке.

Так один за другим бригадир, работники отдела кадров, комсомольские деятели отступались от Коновалова, признавали его безнадежным. И все же нашелся на заводе человек, увидевший в подростке не только злого прогульщика и хулигана. Это была мастер Клавдия Александровна Е. Она единственная отнеслась к Вале по-матерински доброжелательно, искренне жалела его и интересовалась его жизнью за пределами завода.

— Валя, в сущности, неплохой парень, — с грустью припоминала она. — Он слушается, когда ему что-то поручишь, не грубит, нет в нем жестокости, как у некоторых ребят в его возрасте.

Не раз встречала она Коновалова на улице в компании великовозрастных парней. И начала понимать, что дело тут не только в их совместных выпивках. Валю начало затягивать опасное болото.

— Как-то раз прибежал Валя ко мне встревоженный, бледный, просит пятьдесят рублей до получки. Спрашиваю — да зачем тебе столько?

Замаялся. — Я должен тут... Меня на улице ждут, не могу я к ним выйти без денег.

Разумеется, ничего я ему не дала. Стало ясно, что он уже попал в зависимость от заправил этой компании. Может быть, в карты проиграл? Я понимала, на какой опасной грани стоит Валя. Но что я могла? Ему нужно было не только теплое женское участие, а и твердая мужская рука. Оказался бы рядом с ним мужчина с богатым жизненным опытом, с широким кругом интересов, наверное, дело бы обернулось иначе. Для такого подростка с трудной судьбой надо суметь найти занятие, какое могло бы захватить целиком. Да хотя бы просто сходить с ним на рыбалку, на футбол, рассказать что-нибудь интересное — словом всячески отвлечь от бессмысленного шатанья. И подчинить своему влиянию, своему авторитету. Все это женщине не под силу.

Такого мужчины в большом коллективе завода не нашлось. Валькино скольжение под уклон продолжалось...

Как и в прежние времена, работая на заводе, Коновалов стал частым гостем в семье Демкиных. Снова поили его до-

машинным вином. К тому же в этой семье подросла младшая дочь, а Вале подходило уже к семнадцати, и бойкая пятнадцатилетняя девица очень ему нравилась. Все крепче становились нити, привязывавшие его к миру прошлого.

Вернувшись из спец ПТУ, Валька пил едва ли не ежедневно. Он жил, как в тумане, оглушая себя алкоголем и никотином, шаг за шагом подрывая свой неокрепший еще организм — через год врачи нашли у него болезнь сердца. Забегая вперед, скажем, что в колонии, куда он попал позже, с ее «сухим законом», он не производил впечатления больного.

В поступках Вали той поры поражает абсолютная неустойчивость, немотивированность. Какое-то лихорадочное метание из стороны в сторону. Утром он по-дружески, чуть ли не с сыновьей теплотой беседует с Клавдией Александровной, а вечером в дым пьяный кричит на улице инженеру: «Не приставайте ко мне, хочу пить и пить буду!». То с прилежанием возьмется за работу, то валяется в углу цеха с бессмысленной физиономией и поет какую-то чепуху.

Если бы у него появилась любимая профессия! Но его ничто не увлекает, он не видит впереди никакого настоящего дела, которому стоит посвятить жизнь.

И вот на этом фоне постепенно начинает брезжить возможность иной жизни. Он еще толком не представляет себе, какой она будет, только слышит от дружков неясные намеки на таинственные дела, фразы на странном жаргоне, видит полные особого смысла наколки на их руках, на груди. Чудовищно, невероятно для здорового человека, но нелепая «романтика» воровской жизни уже представляется ему чем-то привлекательной, во всяком случае решительно отличающейся от скучной повседневности.

Реальную опасность, надвигающуюся на Коновалова, заметила не только Клавдия Александровна, но и упоминавшаяся уже лейтенант милиции Никифорова. С тех пор, как Валентин вернулся из спец ПТУ, она несла ответственность за его судьбу, помогла устроиться на работу, следила за его поведением, часто бывала на заводе и встречалась дома с его бабушкой. Она единственная обратила внимание на то, что обстановка в ОКСе не подходит для такого неустойчивого парня и предлагала ему перейти на другое предприятие. Валентин заупрямился. Он уже привык к вольготной обстановке.

Нина Викторовна Никифорова — работник опытный, умеющий управляться с самыми строптивыми ребятами. Однако в лице Коновалова ей попался особенно крепкий

орешек. Выполнив обязанности, возложенные в подобных случаях на сотрудников милиции для предотвращения рецидива, она не могла взять на себя полностью перевоспитание подростка — эта задача была возложена на заводской коллектив.

Воспитание трудом — не автоматический процесс. Тут нельзя запрограммировать последовательность операций и нажать кнопку на щите управления. Душа человеческая, да еще такая деформированная, как у Вальки Коновалова, не поддается стандартному набору воспитательных приемов. Нужен особый подход, учитывающий все особенности характера.

Поскольку его не нашли, перевоспитание не состоялось. Более того, опасные задатки, появившиеся еще в школе и несколько приглушенные в спецПТУ, стали развиваться с пугающей быстротой.

На восьмой месяц пребывания Коновалова на заводе это стало ясно.

Из представления детской комнаты милиции: «В ноябре на заседании цехового комитета был поставлен вопрос об увольнении Коновалова, но по просьбе детской комнаты милиции он был оставлен на заводе. Его поведение неоднократно обсуждалось на совете профилактики. В феврале 1977 г. при обсуждении на совете подростков вел себя вызывающе, грубо... 15 февраля при проведении рейда был задержан в нетрезвом виде, доставлен в РОВД, где начальник отдела сам беседовал с ним. Коновалов дал слово, что исправится и пить не будет. Однако, уже 19 февраля пришел домой пьяный и устроил очередной скандал».

Не хватило терпения у бабушки — она сама подала заявление с просьбой снова направить Вальку в спецПТУ.

Устали возиться с ним и на заводе.

Согласилась с бабушкой лейтенант милиции Никифорова.

Валентина Коновалова вторично направили на комиссию по делам несовершеннолетних. Это редкий случай. Всякий рецидив — свидетельство брака в работе воспитательного учебного заведения со специальным режимом — и должен вызывать особую тревогу.

Заседание комиссии по делам несовершеннолетних на этот раз решительно отличалось от того, что происходило два с лишним года назад. Коновалов теперь уже не казался испуганным мальчиком.

Одна из членов комиссии с горечью обратилась к подростку:

«Валя, тебе 16 лет, а у тебя вид, как у хронического алкоголика. Ты подрываешь свое здоровье. Бабушка ведь желает тебе только хорошего. Она хочет, чтобы ты жил и работал, как все люди».

Коновалов держался дерзко:

— Я работаю, пью на свои деньги и никого это не касается. Учиться не хочу и не буду. Служу здесь только из-за бабки, она на меня наговорила.

Членам комиссии не оставалось ничего другого как согласиться с заключением детской комиссии.

О пребывании Коновалова в спецПТУ по второму заходу можно ограничиться коротким рассказом. Он снова, хоть и без большой охоты, начал трудиться в мастерских, продолжил учение в девятом классе.

Летом Валию с группой ребят отправили на строительство кошары в колхоз. И тут, наверное, впервые в жизни подросток испытал радость созидания. На его глазах росло большое здание, куда вложен его собственный — его, Валькин! — труд.

Наступил в его жизни, уже в который раз, момент, когда окружающим казалось — вот-вот еще небольшое усилие и парень надежно станет на ноги.

«В июле в составе группы работал на строительстве кошары, где показал себя с положительной стороны, за что 27 августа был условно отпущен на производственную практику по месту жительства бабушки. При этом заверил, что он осознал свое неправильное поведение и обещал добросовестно трудиться и честно вести себя» (из характеристики спецПТУ).

Решение руководства училища отпустить Коновалова вновь оказалось ошибкой. Оно враз перечеркивало все, что было достигнуто воспитателями. Валентин опять отрывался от Дубовика — человека, ставшего ему старшим другом и заботливым наставником. Он возвращался в прежнюю среду.

VI. 28 августа, к вечеру...

Он взлетел на четвертый этаж (к этому времени бабушке дали квартиру в новом доме) одним махом, ворвался, не стуча в незапертую дверь, швырнул свой маленький сверток на стол и прошелся в чечетке по комнате. Бабушка смотрела на него, потрясенная неожиданным появлением внука. Как, почему?

— Отпустили, бабка, пока на месяц. А там видно будет. Погуляем!

Елизавета Ивановна все еще не могла прийти в себя. Вот он, живой, веселый, каким давно не был, загоревший, красивый. Валечка, внук единственный. Но почему же его выпустили? К добру ли, к худу ли? Как бы там ни было, радость-то какая!

Потом Валя купался в ванне, переодевался во все чистое, давно припасенное бабушкой. Говорил мало, о планах своих не распространялся. Бабушка рассказала, что получив за него расчет на заводе, деньги сберегла. Завтра надо пойти по магазинам, купить самое необходимое — костюм, ботинки.

И настал вечер. Уложила Вальку спать, а сама долго сидела на кухне, все еще переживая неожиданную встречу. Счастливая и встревоженная — страх за внука не покидал ее никогда. Мысли прыгали, взять себя в руки она не могла. Спала плохо, проснулась чуть свет.

Утро 28 августа выдалось ясное, солнечное, обычное чудесное утро киргизского лета. Кто мог знать, какой черной ночью обернется роковой этот день для семьи Коноваловых?

— Бабка, пойду мать навестить. Подарок ей куплю. Прибарахлюсь. Давай деньги, не скупись.

Сто раз будет клясть себя потом Елизавета Ивановна. А в этот момент, будто в бреду, под гипнозом, полезла в комод, достала завернутые в платок бумажки и отсчитала пятьдесят рублей. Валя небрежно сунул их в карман и кубарем скатился по лестнице.

Три часа спустя в ближайшем кафе пятеро юнцов куражились вовсю. Они громко орали, пытались петь полублатные песни, хохотали, украдкой под столом подливали в пиво водку. «Конь» гулял. В этот момент он забыл обо всем, что было и что его ожидает. Чувствовал вроде бы превосходство над товарищами: как никак побывал дважды «там». Ввертывал к месту и не к месту блатные словечки, туманно намекая на какие-то «дела», хвастался новыми наколками на руках...

Часам к пяти веселая компания вывалилась из кафе и отправилась болтаться по улицам. Никакие предчувствия не тревожили Вальку, никакой добрый волшебник не предостерег его от беды, ожидавшей его где-то совсем близко.

Из объяснений В. Коновалова в милиции:

«Примерно часов около шести на углу... мы встретили двух незнакомых ребят и кто-то из нас предложил их ог-

рабить. Поравнявшись с двумя ребятами, я сказал: «Снимай часы». Он сам снял часы и отдал мне. Потом я подошел к другому и снял с него рубашку. Свою я снял и отдал ему, а его надел на себя».

«Из объяснений потерпевшего Л.:

«В 17. 45 нас окружили пять парней. Один из них, увидев у меня на руке часы, сказал, чтобы я их снял, когда я их снимал, другой, в зеленой рубашке с длинными волосами, увидел перстень, снял его у меня. Тот, что снимал у меня часы, сказал, чтобы Аркаша снял рубашку. Когда он отказался, они стали его бить. Недалеко проходили двое прохожих. Я подбежал к ним и попросил помочь. Но они сделали вид, что не слышат».

Потом, после того как ограбили — врассыпную по окрестным дворам. Валька, теперь уже утративший свою личность, перепуганный, сигает через заборы, надеясь удрать, схорониться от возмездия. Их всех переловили в тот же вечер, милиция прочесала окрестные кварталы и легко нашла преступников.

Впоследствии их всех будут много раз допрашивать в милиции и у следователя, их показания будут меняться, по-разному восстанавливая сцену на перекрестке. И нам, вместе со следственными и судебными органами, предстоит уточнить некоторые, весьма существенные, подробности преступления. Нас будет интересовать не юридическая, а нравственно-психологическая сторона дела.

Вопрос первый: «Кто был инициатором?» Коновалов сначала делает вид, что не помнит: «Кто-то из нас предложил.» На следующем допросе рассказывает по-другому, будто бы он отстал от остальной компании и грабил сам, в одиночку. Последнее показание: действовали вдвоем с Демкиным. Григоренко стоял в стороне.

Бабушка убеждена в том, что истинным зачинщиком был Григоренко, для маскировки отошедший в сторону. Однако потерпевшие утверждают, что Григоренко в ограблении не участвовал и будто бы уговаривал ребят отдать награбленное. Следствие установило, что грабили по инициативе Коновалова и Демкина (К роли Григоренко во всей этой истории еще придется вернуться).

Вопрос второй: «Били или не били потерпевшего Аркашу?» Валя решительно утверждает, что тот сам «по просьбе» отдал рубашку (она, оказывается, была очень красивая, Вальке захотелось пофорсить в ней). Все остальные рас-

сказывают о том, как жестоко избивали юношу, отказавшегося выполнить наглое требование. Более того, Коновалов не стал надевать отнятое, а сначала постирал рубашку под краном водопроводной колонки. «Потому что была грязная», — объясняет он. «Чтобы смыть кровь», — говорят другие.

Вопрос третий: «Кто взял перстень?» Коновалов на первом допросе клянется, будто и в глаза не видел перстня. Остальные говорят по-разному. В конце концов Демкин, сначала запиравшийся, признался, что взял он, потом, когда убегал, спрятал его в тайнике, а впоследствии не мог найти, забыл, где спрятал.

К всеобщему удивлению на суде Коновалов решительно меняет показания, беря всю вину на себя, включая и эпизод с перстнем. Зачем он это сделал?

Из приговора:

«...Суд пришел к убеждению, что подсудимый Коновалов специально отводит участие Демкина с тем, чтобы отрицать сговор в их преступлении и групповой его характер».

Тут вопрос чисто юридический: и сговор, и наличие группы — обстоятельства,отячающие вину, а стало быть, и наказание может стать более суровым. Но откуда было мальчишке знать эти правовые тонкости? Очевидно, кто-то более искушенный перед судом подсказал ему эту хитрую линию поведения. Навел его на мысль, будто позиция «взять все на себя» сулит большие выгоды, нежели истинная правда. Не исключено и то, что здесь вступил в силу известный воровской закон: если уж тебе не выкрутиться, отсиди за всех, тебе это зачтется.

Так обстоит дело с перстнем. (Кстати, небезынтересно задаться вопросом, почему этот злосчастный перстень, стоящий более двухсот рублей, оказался на руке семнадцатилетнего юнца? Что думали его родители, даря ему столь дорогую вещь? Еще один пример слепой родительской любви, так часто оборачивающейся бедой для сына или дочери).

Знакомясь с материалами следствия и суда, поражаешься неожиданности и бессмысленности всего происшедшего.

Что Валька с друзьями изрядно напился и пьяным шатался по улицам — в том нет ничего необычного. Если бы дело завершилось пьяной дракой, — и это казалось бы закономерным. Но напасть среди бела дня на первых попавшихся ребят, ограбить их самым наглым образом — такое ни-

как не вяжется с обычным поведением Коновалова до того дня.

Нет оснований предполагать, что мальчишки действовали по заранее обдуманному плану. В закружившейся от винных паров и от ощущения полной свободы и раскованности Валькиной голове лихорадочно метались самые неожиданные мысли. Так возникла дикая идея о грабеже. Дикая потому, что при сколько-нибудь здравом размышлении стала бы ясна бессмысленность и обреченность этой затеи. Безнаказанно ускользнуть от расплаты в данной ситуации невозможно. Барыш от «операции» был весьма сомнителен. Во имя чего же так рисковать?

Сознавая это, Санька Григоренко пытался остановить Валентина. Он-то, с его немалым опытом в темных делах, хорошо понимал, сколь безрассудно действует его последователь. И поэтому Григоренко, тоже изрядно выпивший, ни на минуту не теряет головы: оценив обстановку, демонстративно отходит в сторону, пытается отговорить друга. Этот хладнокровный и опасный потенциальный преступник остался в стороне.

Вальку же занесло. Вспомнились давние подвиги в школе, когда он безнаказанно обирал малышей. Нарастало ощущение мнимого превосходства над всеми остальными — что хочу, то и ворочу.

Звреет мальчишка — не отдашь рубашку добровольно, так на тебе, на тебе! Увидела бы бабушка в эту минуту своего обожаемого внука, побледневшего, с перекошенным от ярости лицом, с окровавленной — чужой кровью — рукой...

Щелкнули двери милицейской машины. Долго теперь придется видеть Коновалову небо через решетку.

Со следователем Ниной Терентьевной Павлиш мне приходилось встречаться и прежде. Это очень приветливая, жизнерадостная женщина, наделенная редким даром разговаривать с подростками доверительно и доброжелательно. Видимо, поэтому все дела по расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними, поручают ей. В точности ее профессионально зоркого глаза не приходится сомневаться.

— Да, я хорошо помню Вальку Коновалова, — говорит Павлиш. — В сущности, он неплохой мальчик. Когда с ним по-хорошему разговариваешь, он смотрит открытыми, честными глазами и говорит правду. Типичный пример того, к чему приводят отрицательные влияния; тут и небла-

гополучная семья, и улица, и взрослые приятели, близкие к уголовному миру. Мне очень не хотелось возбуждать против него уголовное дело. Пошли на последний эксперимент: вернуть Коновалова в спецПТУ, пусть воспитатели постараются исправить свою ошибку.

Еще одна попытка уберечь мальчишку, не прибегать к крайним мерам. Но слишком поздно. Валька, переживший к этому времени столько разительных перемен в своей неспокойной жизни, испытавший столько стремительных перепадов от подавленности и безразличия к бурным взрывам темперамента, попадавший под столь взаимоисключающие влияния, становится неуправляемым. С утра до вечера хочется курить, мучительно тянет выпить. От всего этого особенно взвинченный, обозленный на весь свет, Валька готов выть в голос, кидаться на первого встречного.

Таким он в третий раз прибыл в спецПТУ.

Из характеристики спецПТУ:

«Будучи возвращенным в спецПТУ в сентябре, в училище ведет себя плохо, дезорганизует коллектив, грубит старшим, проявляет неповиновение. Склонен к совершению побегов».

Что-то решительно сдвинулось в Валькиной психике. Нервная система, давно уже подорванная ранним курением, пьянством, безалаберным образом жизни, не справлялась с перегрузками.

Валька буйнит, он уже не боится никого, достает откуда-то водку, оскорбляет медсестру, воспитателя, орет и выламывается. Даже самый близкий ему человек — мастер Дубовик — с трудом может утихомирить его.

Последняя попытка следователя оказалась безуспешной. Дирекция спецПТУ возвращает Коновалова в город, в следственный изолятор.

На суде Коновалов, как уже говорилось, взял всю вину на себя, а в последнем слове произнес заученные фразы: «Прошу меня простить, извиняюсь перед потерпевшими, прошу не лишать меня свободы». Говоря это, и сам не верил в убедительность своих доводов.

Впрочем, во время судебного заседания он не чувствовал себя одиноким. Владимир Трофимович Дубовик, выступая как представитель спецПТУ, старался доказать, что подросток не безнадежен. Адвокат Любовь Ивановна З. искренне жалела запутавшегося мальчишку. В своем выступлении она просила суд принять во внимание тяжелую

обстановку, в которой рос подсудимый и применить к нему условную меру наказания. Излишне суровый приговор, утверждала Любовь Ивановна, может еще больше сломать этот не вполне сформировавшийся характер.

Народный, а затем и Верховный суд республики, куда была подана кассационная жалоба, не согласились с доводами адвоката. Коновалов, как мы уже знаем, был приговорен к 4 годам лишения свободы в воспитательно-трудовой колонии.

Может быть, приговор, действительно, излишне суров и было бы разумнее ограничиться условным осуждением? Припомним, что Валентину уже дважды предоставлялась возможность доказать свою добрую волю к исправлению и оба раза он не оправдал оказанного доверия. Идти на риск в третий раз не имело смысла. Только обстановка закрытого воспитательного заведения со специальным режимом могла повлиять на него. Не следует забывать и о том, что как бы ни был гуманен советский закон, суд не может быть снисходительным к столь дерзкому и тяжкому преступлению. Последовательно проводимый принцип неотвратимости наказания имеет большое воспитательное значение не только для преступника, но и для всех граждан.

При рассмотрении кассационной жалобы судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Киргизской ССР вынесла очень важное особое определение, сочтя необходимым «обратить внимание на недостатки в перевоспитании несовершеннолетнего Коновалова, допущенные в спецПТУ, которые явились одной из причин совершения им тяжкого преступления».

...У директора спецПТУ не было оснований для постановки вопроса об условном освобождении Коновалова, потому что он после первого освобождения вскоре стал вести себя недостойно.

Комиссия определила:

«Обратить внимание районной комиссии по делам несовершеннолетних и дирекции спецПТУ на указанные недочеты в предупреждении преступности среди несовершеннолетних и принять меры к недопущению их в будущей работе».

Справедливо определив меру наказания, суд не придавал значения одному немаловажному обстоятельству. Как уже говорилось, когда Коновалов работал на заводе, он систематически напивался. Есть основания предположить, что это было не случайное, так называемое «бытовое» пьянство, а начальная стадия алкоголизма. И была бы весьма кстати

экспертиза врача-специалиста, а затем, если бы такое предположение подтвердилось, в приговоре суда была бы оговорена необходимость принудительного лечения от алкоголизма там же, в колонии.

Когда перелистываешь страницы объемистого судебного дела, снова и снова не можешь освободиться от мысли о случайности, нелепости случившегося. Но это ложное ощущение. Допустим, в тот предвечерний час двое юношей вышли бы из дома на десять минут позже и пути их разошлись бы с компанией Коновалова. Ограбление именно этих юношей могло бы не состояться. Преступление же вообще состоялось бы обязательно — через час, два, через сутки, через неделю и как знать, быть может, более тяжкое, чем то, что совершено. Весь трагический путь Вальки Коновалова неуклонно шел к этому.

...Итак, Валя на пороге нового этапа своей жизни. Бежит по заснеженной дороге темная машина, сидят в ней два усталых милиционера, мелькают придорожные хаты...

Хочется спать, охватывает какое-то тупое безразличие ко всему на свете. «Будь что будет, — думает он, — пропадите вы все пропадом! Может еще повезет Вальке-Коню...»

VII. Надежды мы не теряем никогда

Рассказ о судьбе Коновалова подходит к концу. Это может показаться странным, но я еще не видя его самого, привязался к этому непутевому парню. Я представлял его за партой — угрюмым, замкнувшимся, с отсутствующим взглядом, в спецПТУ у верстака, на заводе в спецовке, подтаскивающим кирпичи. На улице, в компании подвыпивших ребят. Подолгу рассматривал фотографию, стараясь понять странное выражение его глаз.

Но образ мальчишки все равно не складывался. Так противоречивы, порой взаимоисключающи были характеристики, данные разными людьми, столь причудливыми зигзагами шла Валина жизнь, что воссоединить эти отрывочные штрихи никак не удавалось.

Надо было увидеть его самого.

И вот, после нескольких лет перерыва, я снова побывал в воспитательно-трудовой колонии. Окраина большого села. Все очень буднично: обычная деревенская улица, тополя, дальше высокие беленые стены. Трудно представить себе, что за этими стенами живут и работают не просто подрост-

ки, а те, кто еще недавно были бедой родителей, грозой учителей, предметом непрестанных забот милиции, воришки и хулиганы.

Меня встретил заместитель начальника по политико-воспитательной части Владимир Петрович Немешин. Услышав фамилию Коновалова, он улыбается.

— Еще бы не знать такого! Трудный, очень трудный мальчик. С первых же дней связался с самыми отрицательными ребятами. Наша задача — блокировать это влияние, оторвать Коновалова и ему подобных новичков от нежелательной компании, вовлечь их в ряды активистов.

Слова заместителя начальника затрагивают самое существо основной проблемы, стоящей перед воспитателями. Перед ними — разношерстный коллектив подростков, резко отличающихся по своим характерам, развитию, житейским обстоятельствам, поведению, настроенности. Складываются группы. Администрация опирается на активистов, противостоящих опасному влиянию «отрицательщиков», как здесь принято выражаться.

Сейчас задача усложнилась. В результате амнистии от наказания освобождены те, кто совершил более легкие преступления. Воспитанников теперь намного меньше, зато остались самые трудные.

Мне представилась возможность присутствовать при беседе с только что прибывшими новичками. Для первого знакомства собрались командиры и воспитатели отрядов, директор и завуч школы. Воспитанники поочередно заходили, коротко рассказывали о себе, зачитывались их официальные данные и характеристики. Владимир Петрович вел беседу спокойно, доброжелательно, с живым интересом присматривался к подросткам. При этом коротком знакомстве предстояло определить, в какой отряд зачислить вновь прибывшего, в каком классе ему предстоит учиться. Но, вероятно, самым важным было не впечатление воспитателей от подростка, а первое впечатление самого воспитанника от колонии. Когда несколько серьезных взрослых людей разговаривают с тобой по-доброму, искренне желая устроить твою судьбу, это сразу дает новичку представление о самом духе и порядках, принятых в колонии.

В ходе беседы Владимир Петрович разъясняет главное: перспективу. Если будешь дисциплинирован, исполнитель, хорошо работать на производстве и успешно учиться, словом, докажешь добрую волю к исправлению, можешь быть освобожден досрочно.

— Теперь все зависит от тебя, — говорит каждому в

заклучение заместитель начальника. — Постарайся — скоро будешь на свободе.

С этим напутствием вновь прибывшие расходятся по отрядам. Они входят в комнаты, где все начищено до блеска, по-солдатски тщательно заправлены кровати, на стенах горшочки с цветами и красочные плакаты. Теперь здесь их дом. Дом особый, со своими жесткими правилами, с духом требовательности и доброжелательности. Забудь о выпивке — спиртного здесь нет и быть не может. Забудь о прошлом, оно отрезано навсегда. В этих четырех стенах тебе предстоит начать новую жизнь. Какой она будет?

Так же принимали два месяца назад Коновалова. Чем же он проявил себя за это время? Старший воспитатель отряда Александр Андреевич:

— Нелегкая задача перевоспитать такого парня. И вот что интересно: Коновалов хорошо показал себя на производстве, никогда не отказывается от работы, все делает добросовестно. Играет в оркестре на ударных инструментах. Казалось бы, можно надеяться на исправление.

Если же заглянуть поглубже, выясняется, что он настроен резко отрицательно. Все, что пережил он в прошлом, наслонилось так прочно, что покончить с ним очень трудно. Дружит Коновалов исключительно с самыми отпетыми ребятами, с активистами знаться не хочет. Осенью исполнится ему восемнадцать лет, возраст, когда он должен перейти в колонию для взрослых. Мы можем задержать у себя воспитанника и после восемнадцати, при условии, если он хорошо ведет себя. А там — служба в армии, передадим, так сказать из рук в руки.

— Александр Андреевич, как вы считаете, есть ли надежда на то, что его удастся перевоспитать, если он останется под вашим наблюдением до призыва в армию?

— Надежды мы не теряем никогда.

Во время моего последнего посещения бабушки Вальки она показала открытку, полученную из колонии. Незнакомая ей Анна Ивановна сердечно поздравляла ее с праздником и очень просила приехать в колонию поговорить о Вале. По открытке чувствовалось, что автор письма искренне желает ему добра.

Я разыскал Анну Ивановну, преподавательницу литературы и классную руководительницу Коновалова. Она оказалась женщиной средних лет с легкой сединой в волосах, внимательной и серьезной. Типичный педагог из тех, кого ученики помнят всю жизнь.

— У вас очень тяжелая работа, Анна Ивановна. Не хо-

чается иногда перейти в обычную школу с обыкновенными детьми?

— Нет, никогда. Здесь с особенной наглядностью видишь результаты своей работы. Нет ничего радостнее, чем получить от своего бывшего ученика письмо о том, как он теперь хорошо живет, работает и благодарен своим наставникам в колонии, в частности и мне.

Я много раз говорила с Коноваловым, встречаюсь с ним через день, очень хочу понять его глубже. К нему нужен особый подход. Постоянно взвинченный, озлобленный, с другими мальчиками держится высокомерно, считая себя чуть ли не выше всех. Корни всех его бед идут, очевидно, от семьи. Страшно повторить, но он как-то сказал: «Я мать ненавижу!» Я ему: «Подумай, что говоришь! Ведь она жизнь тебе дала». Усмехнулся как-то криво: «Жизнь — это еще мало...»

Ну что ты с ним, с таким, будешь делать? Нет, Валя не безнадёжен. В нем есть много хорошего: любит работать, никогда не увиливает от прямого ответа, говорит только правду. Но, бывает, разговорится, а потом резко оборвет: «Ну что вы все мне в душу лезете!»

Вы знаете, Коновалов любит поэзию, сам неплохо декламирует. Как-то попросил дать ему почитать стихи. Предлагаю Пушкина, Некрасова, Маяковского, Блока. Жметя, прямо не говорит, только видно, что не то ему надо. Потом все-таки признался: «Мне бы Есенина...»

Единственный, по-настоящему дорогой человек для него — бабушка. Сколько слез она из-за него пролила, а теперь он ведь часто вспоминает о ней, с нетерпением ждет свиданий. Очень горько ему было, когда в день свиданий ко многим мальчикам приехали матери, а к нему — никто. Я заметила: что-то шевельнулось у него в глубине. Вроде бы хотел что-то сказать, мелькнула в глазах боль, да сдержался, снова замкнулся, ушел в себя.

Все равно отступаться от него не собираюсь.

Мы разговаривали с Анной Ивановой, сидя на скамейке во дворе колонии. Был ясный весенний день. Рядом глухо шумел завод, из его ворот выезжали машины, груженные металлической стружкой. В окружавшей нас спокойной, разумной жизни казалось особенно невероятным и бессмысленным прошлое вот этих ребят, что шли сейчас строем в столовую. Да ведь куда не денешь его, это прошлое, что цепляется как лишняя паутина, путается под ногами.

С такими вот мыслями сидел я потом в комнате, пред-

назначенной для свиданий с родными, поджидая Коновалова. Он вошел вялой, расслабленной походкой, настороженно всматриваясь в незнакомое лицо. Когда услышал, что приезжий человек знаком с бабушкой и что свидание это по ее просьбе, успокоился, чуть улыбнулся.

Готовясь к этой встрече, я не предполагал, разумеется, вести с Коноваловым долгую нравоучительную беседу. Чего-чего, а таких бесед мальчишка наслушался вдосталь и благие советы отскакивали от него, как от стенки, не оставляя ничего, кроме раздражения. Цель была другая: попытаться узнать, как он представляет себе свое будущее, как воспринимает порядки в колонии.

Валя заговорил громко, возбужденно. Здесь ему не придется. Попал в неудачный, по его мнению, отряд, где к нему некоторые ребята плохо относятся. Не по душе здешнее производство — «не люблю возиться с железками».

Во всем, что говорил мне Коновалов, есть одна характерная черта — он ни разу не упомянул о своей собственной вине, об ответственности за свои поступки. Винаваты все, только не он сам.

Когда речь заходит о будущем, произносит заученные слова: «После того как выйду, отслужу в армии, стану работать. Хочу стать шофером. Женюсь».

— А девушка у тебя есть?

Снова чуть мелькнувшая улыбка: «Есть...»

Прощаясь с ним, желаю успехов и позволяю себе почти отеческий ободряющий жест — слегка прикасаюсь к его плечу. И тут исчезает его напряженность, Валя смотрит растерянно, несколько недоверчиво, становясь на какое-то мгновение незащищенным, легко ранимым мальчишкой. Возможно, дерзкое его поведение — это укоренившаяся с детства, своего рода защитная реакция?

Нет, не укладывается Валентин Коновалов ни в какие заранее заготовленные схемы!

Вспоминается фраза из разговора с Владимиром Петровичем Немешиним: «Нам совершенно необходим врач-психолог. В наше время без этого уже нельзя работать». Действительно, разобраться в изломанной, порой совершенно алогичной на здравый взгляд психологии юных правонарушителей, часто бывает невозможно. Кстати, сам Немешин — человек широко образованный, недавно закончивший Академию МВД, учебное заведение, дающее разностороннюю подготовку, в том числе по психологии.

...Захлопывается дверь за Коноваловым, остаюсь один в помещении для свиданий. Именно сюда, в эту невеселую

комнату, приходят родители, чтобы встретиться с непутевыми своими сыновьями. Часто ли они задумываются над собственными грехами и оплошностями в воспитании?

VIII. Никогда не поздно

Примерно в то же время, когда Коновалов совершал первые свои подвиги, темной летней ночью на одной из окраинных улиц города Фрунзе группа подростков подошла к продовольственному магазину. Тихо было кругом, не видать ни сторожа, ни прохожих, только изредка лаяли собаки. Легко сорвали замок, сигнализация не сработала. Да и не было ее, очевидно, в таком маленьком магазине.

Добыча оказалась небогатой: выгребли мелочь, оставшуюся в кассе, рублей на восемьдесят, забрали несколько бутылок коньяка, шоколадных конфет, рассовали по карманам болгарские сигареты. Все это судорожно, второпях, разговаривали вполголоса; чудилось, вот-вот затарахтит миллицейский мотоцикл. Однако все обошлось как нельзя лучше. Через пять минут попалась случайная попутная машина, а еще через несколько минут они подъехали к дому. И, быть может, ночь замела бы следы, если бы сами не испортили все, позарившись еще на какую-то ерунду в сарае ближнего двора. Соседи услышали, подняли тревогу и быстро накрыли воришек. Тут же раскрылось и ограбление магазина.

В числе попавшихся оказался новичок, совсем еще зеленый — Сережа Бояринов. Он вырос без отца, мать-геолог на много месяцев уходила в горы, оставляя сына без присмотра.

Первого допроса Сергей особенно боялся. Что говорить, как держаться? То ли сваливать все на других, то ли стараться разжалобить, то ли выложить всю правду.

Все оказалось не таким уж страшным. За письменным столом перед ним сидел невысокий капитан, с чуть заметной проседью на висках, усталые и добрые его глаза смотрели на Сережу со спокойным интересом. Разговаривал он не спеша, задавал вопросы с большими паузами, помогая мальчишке успокоиться, освободиться от скованности. От его доброжелательной манеры, от ощущения, что этот взрослый человек искренне хочет тебе помочь, Сережкины опасения рассеялись. Врать не хотелось, мальчик рассказал все, как оно было на самом деле.

Ему повезло. Он попал к Юрию Николаевичу Петухову, человеку, на счету которого к тому времени были уже мно-

гие десятки ребят, чьи судьбы после встречи с ним решительно изменились.

В работе с трудными подростками (принято брать это слово в кавычки, только ведь они и на самом деле трудные) решающее значение имеет интуиция, основанная на длительном опыте. Капитан Юрий Николаевич Петухов с первого взгляда может определить, насколько опасен мальчишка, в чем его уязвимое место. Разговаривает он с подростками не запугивая их, не читая правоучения, но и не сюсюкая, не пытаясь к ним подладиться. Вроде как отец или старший брат. Петухов понимал, что перед ним «салажонок», только еще переступивший опасную черту, что пужна ему хорошая встряска и твердая мужская рука для поддержки.

Сереза поверил в него сразу и навсегда. Хотя обошелся с ним Юрий Николаевич достаточно строго, по закону. Никаких скидок — пора отвечать за свои поступки — не маленький. Дело было оформлено и передано в суд. Прощаясь с Сергеем, капитан дал ему свой телефон и адрес, наказав сразу после освобождения связаться с ним. И еще сказал напоследок: «Верю в тебя. Будешь человеком».

Время, проведенное в воспитательно-трудовой колонии, Сергей вспоминает без особого удовольствия, но и без горечи: «Колония есть колония». И все же сохранилось у него чувство признательности к тамошним наставникам: приобрел специальность, привык к собранности, дисциплине, научился жить в коллективе.

Новое испытание ждало его за воротами колонии. Испытание свободой. От того, на какую дорожку он свернет, зависела вся его дальнейшая судьба.

Первое, что сделал Сергей — подошел к будке автомата и набрал номер телефона Петухова.

Чаще всего руководители предприятий не в восторге от перспективы принять на работу отбывших срок. Юрий Николаевич долго и настойчиво добивался, чтобы Сергея приняли на завод. Когда это удалось он предложил юноше вступить в оперативно-комсомольский отряд.

Годы пребывания в ОКО Бояринов до сих пор вспоминает, как лучшие в своей жизни. Все было интересно: ходить в рейды, отыскивать неблагополучных подростков, помогать им, помня собственный опыт, наводить порядок в парках и на улицах.

— Подобралась у нас «великолепная семерка», семь отличных друзей, крепких, надежных ребят. Мы гордились своей формой. Но нас и без формы уже знали. Придешь на

танцплощадку, сразу все притихают: оперативники пришли! И — порядок. Остаемся до конца танцев, чтобы спокойно можно было уйти домой.

Не хвастаясь скажу — пять-шесть ребят мне самому удалось уберечь от беды. Не зря прошли два года от колонии до армии: я успел закончить вечернюю школу, приобрел настоящих друзей, повысил квалификацию. А потом служба.

Армейская судьба занесла Сергея на Дальний Восток, в глухое таежное местечко, откуда даже дорог путных нет, большую часть года раскисают они от дождей, и тогда только вертолеты поддерживают связь с миром. Все это было испытанием на прочность. Научился не хныкать, бодро переносить все тяготы.

И вот уже год «на гражданке». Сейчас Бояринов вполне взрослый человек, высококвалифицированный рабочий, внештатный инспектор милиции. Увлекается военной историей, собирает и изучает мемуары полководцев, труды по истории Великой Отечественной войны. Юрий Николаевич по-прежнему ему первый друг и советчик.

Человек состоялся. А Валя Коновалов пока не состоялся.

Сравнивая две эти, как будто сходные и вместе с тем очень различные судьбы, приходишь к неожиданным выводам. Сергею повезло, что он быстро попался. Если Валя прошагал по длинной лестнице разумных, а порой и неразумных воспитательных мер, под перекрестным огнем разных влияний, пока не попал за решетку, то у Сергея схема оказалась проще: преступление, наказание, исправление.

На пути Коновалова встречалось несколько хороших людей, пытавшихся ему помочь. Но они приходили и уходили из его жизни, не успев завершить начатое. Бояринову встретился один такой человек, сумевший не только переломить его судьбу, но и закрепить то доброе, что оказывается, теплилось в этом юноше.

Нельзя переоценить значение такого вот Наставника, Старшего друга, Общественного воспитателя — назвать можно по-разному — для перевоспитания неблагополучного подростка. Сопоставляя истории двух мальчишек, с особенной наглядностью видишь, сколь важно своевременно поставить диагноз болезни, найти нужное лекарство.

В уже цитировавшейся беседе с доктором юридических наук, П. И. Карпецом корреспондент «Комсомольской правды» задал ему такой вопрос: «...Кто же такой «трудный»

подросток наших дней. Не смогли бы вы помочь создать его среднеарифметический образ?»

И. И. Карпец ответил:

«Не смогу, потому что «среднеарифметического» просто не существует. Когда мы думаем так, нам тут же хочется сразу исправить всех, кого мы называем «трудными», предложить всем один и тот же «рецепт» лечения, провести, наконец, какое-то массовое мероприятие по превращению их в подростков, «легких» для общества. Ну а дальше получается, что то «лекарство», которое было бы чудодейственно для одного, для другого не подходит, а для третьего просто вредно. Все это на языке документов называется индивидуальной работой с каждым».

Сказано точно. Если для Бояринова решающую роль сыграл оперативно-комсомольский отряд, для Коновалова такая мера не подошла бы. С его постоянной взвинченностью, резкими сменами настроений, с его стремлением стать своим в блатном мире он не удержался бы в отряде, а скорее всего и не пожелал бы туда вступить.

Какой же рецепт подошел бы для него?

Вопрос этот следовало решать не сейчас, а лет семь назад, когда десятилетний мальчишка начал вступать в опасные контакты. Врачи знают, как важно захватить болезнь в самой начальной стадии. Если бы тогда директор школы Степан Степанович отнесся к своему непутовому ученику не как к некоей среднеарифметической единице, а как к живому своеобразному характеру, не влезавшему в рамки схемы, если бы родительский комитет не прекратил своих забот о нем, после того как уехал подполковник, ставший для Коновалова старшим другом, если бы общими усилиями удалось найти для него занятие, захватившее его до сердца, до печени, наверное, сейчас в воспитательно-трудовой колонии было бы одним осужденным меньше. Если бы, если бы...

Его вовлекали в кружки, давали работу, вызывали на всевозможные заседания для проработки. Но никто не сумел воодушевить его занятием, которое стало бы для него столь же притягательным, как вольготная жизнь завсегдаев подворотен, рыцарей кастета и кулака.

Можно было бы привести здесь множество примеров того, как возвращались к нормальной жизни подростки с исковерканной судьбой. Тот же Юрий Николаевич Петухов может, кажется, сутками рассказывать о своих бывших подопечных.

Сотни, тысячи исправившихся мальчишек на счету у

сотрудников детских комнат, а теперь инспекций милиции республики. Удалось предотвратить преступления многих подростков в тех районах, где дружно, по совместному плану работают школа, совет общественности, милиция и домоуправление.

Во всех этих случаях была одна характерная особенность: подростком длительное время руководил старший друг, наставник, человек, сумевший стать для него непрекаемым авторитетом.

Мне представляется некий воображаемый судебный процесс. Судят не Валью, а всех тех, кто так или иначе прикосновенен к его судьбе. Вызывают бабушку и спрашивают: «Признаете ли себя виновной?» «Нет,— отвечает бабушка,— я хотела ему только добра...» Вызывают педагогов, воспитателей, работников завода, милиции, спецПТУ — «И мы желали ему только хорошего»,— отвечают они. Да и на самом деле, кто из всех воспитывавших Коновалова желал ему дурного? Все стремились помочь ему. Но их усилия чаще всего были тщетны. Порой из-за собственной неподготовленности, порой из-за равнодушия, порой из-за рокового стечения обстоятельств они не доводили до конца начатое.

Ошибки, допущенные при воспитании Коновалова, наплаивались, накапливались, задача на каждом новом витке его жизни становилась все сложнее. Попробуйте сравнить десятилетнего Вальку — испорченного мальчишку, но в сущности совсем еще несмышленика, с семнадцатилетним алкоголиком, прошедшим разнообразные курсы «повышения блатной квалификации».

В связи с работой над «Калиной красной» Василий Шукшин говорил:

«Борьба за человека никогда не кончается. Не наступает никогда, не должно наступить никогда то время, когда надо махнуть рукой и сказать, что тут уж ничего не сделаешь. Сделать — всегда можно»¹.

Сделать всегда можно. На протяжении недолгой Валькиной жизни его уже несколько раз зачисляли в разряд неисправимых. И все же вновь и вновь находились люди, умевшие разглядеть в этом оболтусе и хулигане доброе начало, глубоко запрятанное под коростой озлобленности и недоверия к окружающим.

¹ Казбек Султанов. Ответственность нашего слова. «Юность» № 3, 1978 г.

Нашлись такие люди и в сегодняшнем окружении Коновалова. Борьба за него продолжается. Его начали лечить от алкоголизма. Педагоги и воспитатели, и прежде всего Анна Ивановна, с неистощимым терпением заботятся о том, чтобы обрел он, наконец, душевное равновесие и ту главную цель в жизни, без которой не может состояться человек.

Биография Валентина Коновалова, которую я попытался восстановить, во многом поучительна. Задумаемся, все ли делается для того, чтобы загодя, задолго до того как подросток вступит на опасный путь, предотвратить это? И всегда ли мы принципиальны и последовательны по отношению к собственным детям?

ПОЖАЛЕЙТЕ ТАНЕЧКУ!

(Судебный очерк)

— Вызовите очередного свидетеля!

В зал, где идет судебное заседание, входит маленькая девочка, робко оглядываясь на взрослых, с удивлением обернувшихся на неожиданного свидетеля. Не так уж часто здесь, в месте, где с утра до конца рабочего дня перед судьями проходят люди, ну, мягко скажем, не вызывающие симпатий, вдруг мелькнут светлым лучом широко раскрытые глаза несмышлениша.

— Танюша, подойди сюда поближе. Не бойся, расскажи нам все, что знаешь.

Она говорит толково, только изредка чуть запинаясь, ответы ее ясны и отчетливы. Но о чем приходится рассказывать! О том, как осыпали друг друга оскорблениями отец с матерью, о том, как мама бежала по двору с головой, залитой кровью. И еще всплывает в ответах некий дядя Петя, защищавший маму от ударов ножа.

Все это видел семилетний ребенок. Закон запрещает вызывать в качестве свидетеля детей, за исключением особых обстоятельств, когда без их показаний нельзя обойтись. В данном деле такая необходимость возникла. В момент преступления только Танечка находилась на месте происшествия. А перед этим в течение многих месяцев самые близкие ей люди, не задумываясь о том, как это скажется на ребенке, разыгрывали трагический фарс, приведший к кровавой развязке. Удивляешься только как сохранила она детскую непосредственность и привязанность к родителям.

— Скажи, а папу ты любишь?

Минутная пауза. И чуть слышно: «Люблю...»

При этих словах человек, сидевший на скамье подсуди-

мых, пристально всматривается в девочку. Он строен, подтянут, аккуратно подстрижен, ровная щеточка усов. Взгляд жестких, холодных глаз настораживает. Он квалифицированный фрезеровщик, заметим также, что на производстве его характеризуют положительно.

И все же он, Павел Дуганов, покушался убить свою бывшую жену. Чтобы понять истоки этого преступления, придется вернуться к событиям довольно уже давним и перенестись в обстановку одной небольшой усадьбы на Пишпеке.

Живет в своем доме вроде бы благополучная пара. В семье достаток, растут сын и дочь. И вот после двадцатилетней совместной жизни они расходятся. Юридически развод не оформлен, но они составляют добровольное соглашение и полюбовно делят имущество. Дом разделен на две половины, времянку во дворе получает муж, а баню там же — жена. Вскоре у бывшей жены появляется новый муж, точнее сожитель — так называли его в суде — брак не оформлен. Ссор и недоразумений между бывшими супругами не происходит. Но вот, через семь месяцев возникают первые конфликты, а еще через месяц совершается преступление.

Многие читатели, вероятно, помнят французский фильм «Супружеская жизнь». Он состоит из двух серий: в первой события изложены с позиции мужа, во второй — с позиции жены. Контраст возникает разительный — каждая из сторон трактует события по-своему. Зрителю предоставляется возможность принять любую версию или отвергнуть обе, сделав какие-то собственные выводы. Нечто подобное происходило и на процессе. Потерпевшие Матрена Дуганова и ее сожитель Петр Востриков рисуют мрачную картину падения Павла, докатившегося до преступления. Подсудимый же изображает себя невинной жертвой некоего заговора.

Изложим первую версию.

В последние годы Павел пил, чем дальше, тем больше. Жестоким по натуре, он постоянно избивал жену. Матрене приходилось прятаться у соседей, то на чердаке, то под кроватью, спасаясь от кулаков мужа. Жить так стало невыносимо и Матрена настояла на разводе.

Не прошло и двух месяцев, как она встретила Петра и вскоре он появился в доме в качестве, так сказать, мужа и названного отца Танечки. Отношения в новой семье сложились хорошие, не было явных раздоров и с Павлом. Да и как он мог протестовать, когда сам вел разгульный образ жизни. Порой он вообще исчезал из дома.

И все же Павел затаил злобу на жену. Несколько раз слышались при встречах угрозы: «Я тебе сделаю», «Я тебе

приготовлю смерть страшнее, чем от ножа». Чем они были вызваны? Матрена объясняет их злобным, мстительным характером мужа, хотя мстить как-будто и не за что. Однажды, когда в доме никого не было, Павел чуть было не привел в исполнение свой замысел, но жена вовремя заперлась.

И вот 22 ноября. Днем обе стороны встречаются в лагманной. Павел «гуляет» с друзьями. Увидев жену и Петра, он начинает мерзко издеваться над ними, его собутыльники хохочут. Происходит ссора. Немного погодя, все возвращается домой и тут разыгрывается последний акт драмы.

Во времянке у Павла сидит дочь и читает ему стихи. Мать зовет ее домой. Павел не пускает: «Пусть мама сама придет». При этом, по словам Танечки, он кладет на холодильник нож и прикрывает его полотенцем. Матрена приходит, вслед за ней спешит Петр, чувствующий недоброе.

Что происходит потом, рассказывать невозможно. Тут были взаимные упреки, оскорбления, потом общая потасовка, когда Петр и Матрена защищали друг друга от ножа Павла. Один удар пришелся в руку Петра, второй — в ногу, а затем Павел изо всей силы бьет бывшую жену ножом по голове. Меховая шапка, к счастью, смягчила удар.

Наконец, все вываливается во двор, куда уже собрались соседи, пытающиеся разнять схватившихся. Павел, размахивая топором, выкрикивает угрозы: «Подходи, кому еще голову отрубить?»

Но вот дает показания подсудимый и события начинают разворачиваться совсем в другом направлении. Перед нами уже не кровавый убийца, а невинный агнец, достойный мученического венца. Все будто бы началось с того, что жена стала ему изменять. Жизнь становилась невыносимой, а с тех пор, как в доме появился новый «муж», Павлу пришлось еще горше. Его постоянно обкрадывали. Решил создать новую семью, так Матрена поклялась разлучнице «глаза выжечь» (кстати это подтверждается ее собственными показаниями).

Ну, а что касается 22 ноября, то это Матрена и Петр сами пришли к нему во времянку, стали оскорблять и Петр его первый ударил в лицо. Пришлось обороняться... И ведь все это было заранее задумано, чтобы посадить его в тюрьму и окончательно ограбить.

Итак, перед судом два толкования событий.

Народный судья скрупулезно исследует обстоятельства дела. Слова словами, но налицо раны, нанесенные жестокой и уверенной рукой. И нанесены они, выражаясь юридическим языком, в «жизненно важный орган» — куда уж важ-

нее — в голову. Показания свидетелей помогают восстановить картину события. Становится ясно, что не сами Петр и Матрена ворвались во времянку, а преступник сознательно заманил туда свою бывшую жену.

Но самые роковые для подсудимого показания раздаются из уст семилетнего ребенка, девочки, припомним, любящей своего папу.

В зале беззвучная тишина, когда Танечка говорит:

— Папа сказал мне, что мамы к вечеру уже не будет...

Как отнестись к показаниям ребенка? Адвокат подвергает их сомнениям: девочку подучили, отрететировали с ней все ее будущие показания. А именно на них строится обвинение на покушение в убийстве.

Прокурор, основываясь на общеизвестных положениях психологии, утверждает обратное — ребенок в таком возрасте не умеет лгать.

Суд удаляется на совещание. А я сижу и думаю, уже не только о предстоящем приговоре. Нет сомнений, преступник получит по заслугам. Я думаю о Танечке. В том, что рассказано выше, и рассказанно намеренно сухим языком протоколов, не почувствовали ли вы, читатель, самую атмосферу этого дома? Дома, где постоянно пьют и сквернословят, где так легко сходятся и расходятся, где запросто угрожают убить и выжечь глаза. И все это при ребенке... Недаром судья, всегда спокойная и выдержанная, в сердцах бросила: «Все эти вечные своды, разводы, ссоры... А ребенка вы не жалеете?»

Преступник вызывает гнев и возмущение, но я гляжу без всякой симпатии и на чету потерпевших. Вряд ли хорошим отчимом может быть этот здоровенный, мордастый дедина, к тому же, по словам свидетелей, постоянно пьяный. И что можно сказать о женщине, спокойно рассказывающей о том, как она собиралась укусом выжечь глаза той, которую приводил ее бывший муж...

Уголовного кодекса они не нарушали. Но по законам нравственности им придется держать отчет за будущее девочки.

Как прокурор, так и защитник подчеркивали уникальность преступления. Подобные случаи крайне редки в судебной практике. Оно и понятно — в нашем обществе все меньше людей подобного склада. Но так ли редко встречаются семьи, где ссорятся при детях, подают им примеры грубости и невоспитанности, пользуются нецензурными выражениями?

Какой же вырастет, в конце концов, Танюша?

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ТИХИЕ МАЛЬЧИКИ	5
ЗА ВЫСОКИМ ЗАБОРОМ	19
УДЕРЖИСЬ ОТ ВТОРОГО ШАГА	27
ЮРИСТ И ВОСПИТАТЕЛЬ	31
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ТРУДНЫХ ДОРОГ	34
ПОКУДА МОЛОД СТОЛ	38
ПОЖАЛЕЙТЕ ТАНЕЧКУ	76

КОЧНЕВ ДМИТРИЙ ДЕМЬЯНОВИЧ

Рецензент *Сальников А. А.*
 Редактор *Сулайманова Ж.*
 Худ. редактор *Ямгирчиев С.*
 Техн. редактор *Ревенко Р.*
 Корректор *Лисенкова Е.*

ИБ № 1860

Сдано в набор 1. 7. 1982 г. Подписано к печати 27. 9. 1982 г.
 Д—04699. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3.
 «Обыкновенно-новая» гарнитура. Печать высокая, 2,5 физич.
 печ. л. 4,20 услови. печатных листа. 4,716 учетно-изд. л.
 4,358 усл. кр.-отт. Тираж 12000. Заказ № 269. Цена 15 коп.

Издательство «Кыргызстан»
 720737, г. Фрунзе, ул. Советская, 170.

Киргизполиграфкомбинат им. 50-летия Кыргызской ССР
 Госкомиздата Кыргызской ССР
 720461, ГСП, Фрунзе, 5, ул. Жигулевская, 102.

